

ГОРОДИЩА

ИЗДАНИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЕВОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ

Цена трех тетрадей 70

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

АЛТАРЬ

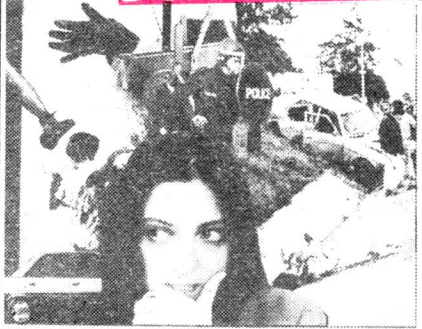

ЛИНИЯ

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

ЗОЛОТАЯ

СЕРЕДИНА

ВЕРСИЯ

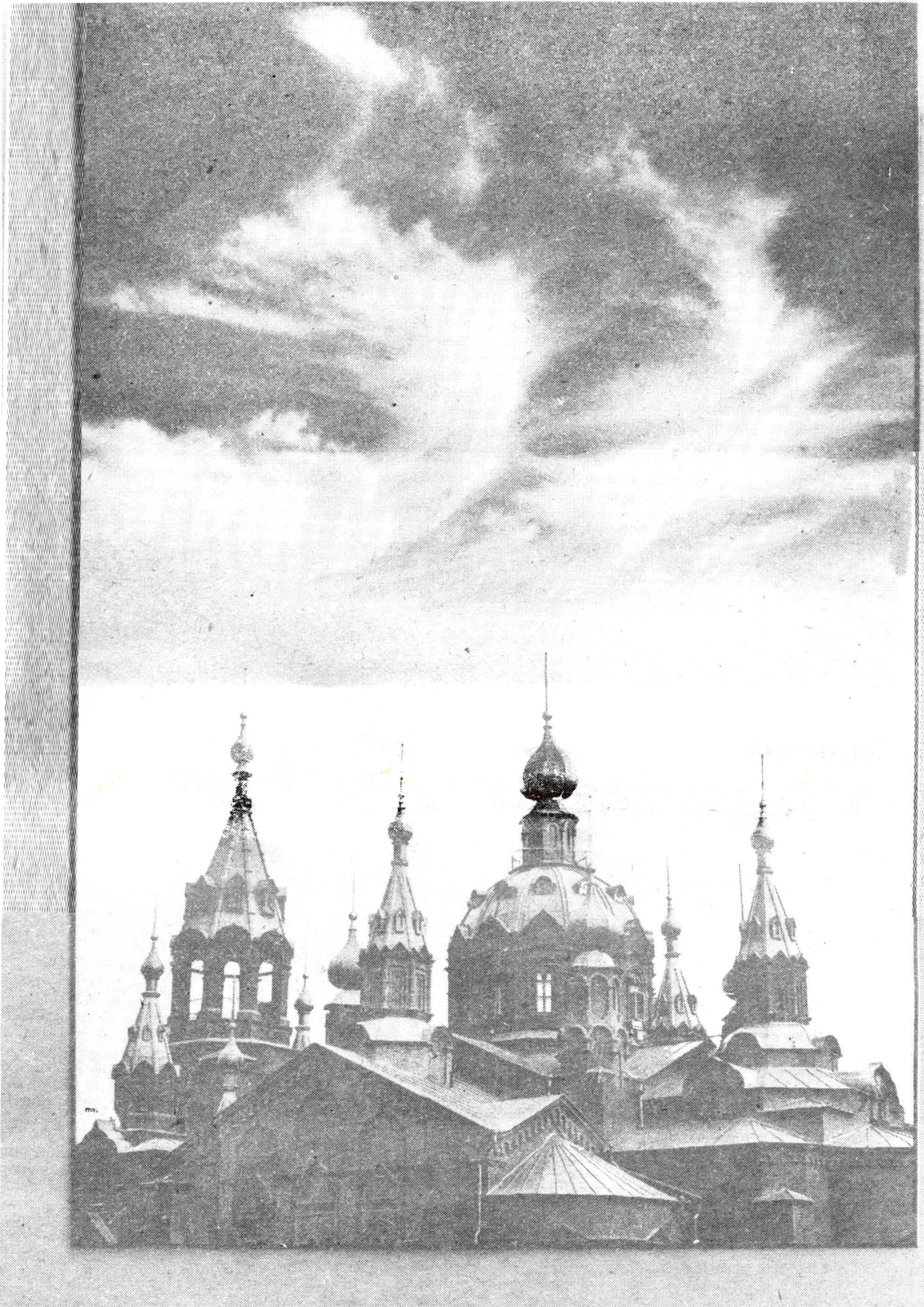
ВСЕ О НЕМ

ДОТОВАРАДОМ

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ

Снимок Юрия РУБИНСКОГО.

(Предоставлен фотоклубом «Стрижамент»).

НЕБЕСНЫЙ ЗВОН.

«В моей памяти — унесенная жизнью фотография четырехлетней Муси, двухлетней Аси. Большелобое, круглое лицо старшей, на котором вспыхивают мне зеленью в сером тоне фотографии глаза Марины, взрослый взгляд на детском лице, уже немного надменный сквозь растерянность врожденной близорукости. И лицо рядом — младенческое, детские губы, своей мягкостью оттеняющие твердый, волевой абрис тех, волосы — чуть выющийся пушок. Родственное сходство черт».

Пал без славы
Орел двуглавый.
— Царь! — Вы были неправы.
Помянет потомство
Еще не раз —
Византийское вероломство
Ваших ясных глаз.
Ваши судьи —
Гроза и вал!
Царь! Не люди —
Вас Бог взыскал.
Но нынче Пасха
По всей стране.
Спокойно спите
В своем Селе,
Не видьте красных
Знамен во сне.
Царь! — Потомки
И предки — сон.
Есть — котомка,
Коль снят трон.

А еще через два дня написано стихотворение-молитва.

ВЕЧНЫЙ ГОЛОС.

За Отрока — за Голубя —
за Сына,
За царевича младого
Алексия
Помолись церковная
Россия...
Ласковая ты, Россия,
матерь!
Ах, ужели у тебя
не хватит
На него — любовной
благодати.

...Анастасия Ивановна вздыхает, имея в виду царскую семью.

— Тем не менее их всех истребили. — И после паузы. — А вот они весело смеются... Ну, посмотрим... Не болеет? (Это о Ельцине).

— Вроде нет. Подвижный, легкий. Как вы себя чувствуете?

— Приехала из Переделкино из Дома творчества настолько болящая, что в Троицу не смогла пойти в церковь. Надеюсь пойти завтра. Завтра Духов День.

Мои прадед и дед были священниками. Жена деда, моя бабушка, умерла в 30 лет, оставив ему четырех сыновей. Старший тоже стал священником, второй сын — мой отец, третий работал на народном просвещении, а четвертый, младший, как и отец, — профессор русской истории.

— Род Цветаевых очень много сделал для сохранения и развития культуры в России.

— Мое дело — писать об этом, с Божьей помощью я еще могу писать. Не оскудеет рука дающего. Не оскудеет. Но музей этот носит имя Пушкина. Пушкин достаточно велик, и этот музей ему ничего не прибавит. Вопрос о переименовании уже ставился, об этом немало писали. Вы знаете, я надеюсь, что, может быть, еще до моей смерти музей назовут папиным именем.

Совсем маленькая комната. Всю жизнь своей хозяйки вмещает она. Здесь сам воздух пахнет историей. Но не только прошлым дышат стены. Новая цветущая ветка бьет в окно жизни.

— Это рисовала моя праправнучка Оля Мещерская. Сейчас она живет с матерью в Америке. В четыре года она потребовала мольберт и — маленькая такая — писала большие картины! — Анастасия Ивановна говорит с любовью и гордостью. — С пяти лет у нее были персональные выставки. Вот здесь две ее работы, которые она сделала семи лет. Сейчас ей тринадцать.

Разговор возвращается к Марине. — Анастасия Ивановна, за границей собираются издавать, а может, уже издали шеститомное собрание Марины Цветаевой. А у нас?

— Недавно через прессу я сделала обращение к издательствам, в котором говорила о необходимости издавать полное собрание сочинений Марины.

ТОТ ДУХОВ

Таксист-москвич, хороший парень, спасибо ему, быстро помог разыскать цветочный рынок. И вот девять темно-красных роз, каждая с кулак величиной, у меня в руках.

Дом на улице Б. Спасской, где живет А. И. Цветаева. Спрашиваю входящую в подъезд пожилую женщину, чтобы еще раз проверить, правильный ли у меня адрес. — Здесь проживает Анастасия Ивановна Цветаева?

— Не знаю, хотя живу здесь давно.

Поднимаюсь по лестнице и думаю о том, что в таких вот домах вряд ли можно знать соседей. Каждый отделен. На площадке во всех дверях «глазки». У Анастасии Ивановны? Нет. Квартира номер 56 — без внутреннего наблюдения...

Звоню, и через минуту меня приглашает войти маленькая, щупленькая, седоволосая женщина с очень приветливым лицом и добрыми глазами.

— Это вам.
— Вы очень любезны, молодой человек. Сейчас я схожу на кухню за водичкой, а вы пока подрежьте их (подает мне ножницы).

Я открыл половину длины черенков, видимо, от волнения.
— Зачем же вы так, они ведь тоже жить хотят...

Я в растерянности. Анастасия Ивановна ставит розы в банку, затем приносит еще одну и ставит туда обрезанные черенки.

— Ну что вы так перепугались, — я выглядел, видимо, не лучшим образом, — вы же не девица, чтобы знать все тонкости обращения с цветами. А розы знатные.

Прихожу в себя и начинаю торпливо говорить. Анастасия Ивановна просит меня:

— Не говорите как господин Луначарский. Он говорил внятно, но с такой быстротой, что за ним ни одна стенографистка не успевала записывать. 160 слов в минуту. Быструю речь я не понимаю. — И вдруг, круто изменив тему. — Вы мое что-нибудь читали или Марино?

— Читал.
— Хорошо.

— Мне хочется подарить вам эти фотографии. — Я подаю фотографии Д. С. Лихачева, Б. Н. Ельцина и А. А. Собчака. — Мне довелось с ними встретиться.

Анастасия Ивановна внимательно их рассматривает, размышляя.

затем, остановившись на фотографии Ельцина, говорит:

Блаженная книжка Евдоким Григорьевна Вяземская (она прожила 120 лет, в 100 лет выкопала колодец), когда ее спрашивали, как надо обращаться с меньшими людьми, с крестьянами и т. д., отвечала так: мягче, да лучше. Он (Ельцин), видимо, этого не понимает. И глаза, даже когда смеется, у него открытые. — Некоторое время помолчав, продолжает, показывая на портрет Горбачева на стене.

— Неужели судьба России в руках этих двух людей? Этот (Горбачев) думает лукавить. Другой думает подавлять, видимо. А третий (Д. С. Лихачев) размышляет и горюет.

Я сравниваю только что услышанные характеристики известных людей с собственным мнением о них.

— Ельцин... Я так много про него слышала... Я думала... Не знаю, мое мнение, может, неправильное. С Горбачевым они не очень?

— По-видимому.
— Горбачев, мне кажется, культурнее...

— Они не должны быть противниками.

— Поживем — увидим. Я пожила много и видела много. Вот вспоминаю, как в Царское Село к Государю прибыли представители будущего Временного Правительства и просили Его об отречении от престола. Это было 2 марта 1917 года. Он сказал им очень короткую фразу: «Вы думаете, будет лучше?». Взял перо и подписал за себя, за сына и за брата.

Через месяц Марина Цветаева пишет стихи «Царю — на Пасху». Уже вернувшись домой, перечитывая стихотворения Марины Ивановны, нашел произведение, созвучное воспоминаниям Анастасии Ивановны. Сестры разговаривают — через 70 с лишним лет. И звучит, звучит вечный голос старшей. Это стихи — «Царю — на Пасху», написанные через месяц после событий, о которых говорила моя пожилая собеседница.

ВЕЧНЫЙ ГОЛОС.

Настежь, настежь
Царские врата.
Сгасла, слынула чернота.
Чистым жаром
Горит алтарь.
— Христос Воскресе,
Вчерашний Царь!

Максимилиан Волошин, как жется, родился в Духов День?..

— Да, и это очень подходило к его биографии...

Анастасия Ивановна умолкает, а я думаю о том, что биография Волошина — это для нас история, а для Анастасии Ивановны — своя жизнь.

Вот как она описала первую встречу с контебельским философом:

«Он стоял и так глубоко улыбался, как не умеют улыбаться люди. Молчал, голову набок, смотрел и радовался. Все понимал, входя в душу непонятно, неповторимо, и я поняла, почему, еще подвезкая к его дому, я сбросила с плеч тяжесть: в этом доме жил Добрый Дух».

Теперьшний дом Анастасии Ивановны, эта единственная, совсем маленькая комната, вмещает многое. В фотографиях, картинах, записках, в памяти живет дом ее детства. Дом профессора Ивана Владимировича Цветаева — основателя Музея изобразительных искусств.

Это писала Марина Цветаева:

«Года за два до открытия музея отцу предложили переехать на казенную директорскую квартиру, только что отстроенную. «Подумайте, Иван Владимирович, — соблазнила наша старая экономка Олимпиаевна, — просторная, покойная, все комнаты в ряд, кухня тут же — и через двор носить не нужно, электричество — и ламп наливаться не нужно, и ванна — и в баню ходить не нужно, все под рукой... А этот — сдать...» «Сдать, сдать! — с неожиданным раздражением отозвался отец. — Я всю жизнь провел на высокой ноте! — И уже самому себе отъединенно. — В этом доме родились все мои дети... Сам тополя сажал... — и совсем уже тихо, почти неслышно, а для экономки и вовсе непонятно. — Я на это дело положил четырнадцать лет жизни... Зачем мне электричество?!»

Хочется цитировать еще:

«Думала ли красавица меценатка, европейски известная умница, воспетая поэтами и прославленная художниками, княгиня Зинаида Волконская, что ее мечту о русском музее скульптуры суждено будет унаследовать сыну бедного сельского священника, который до двенадцати лет и сапогов-то не видал...»

Это она завещала свои архивы ЦГАЛИ с условием публикации их в двухтысячном году?

— Не она. Дочь. И мне довольно удивительно знать, что в нашей стране законы позволяют дочери запретить издавать наследие матери.

В 1992 году, 9 октября, Марине исполнится 100 лет...

— Ваша последняя встреча с Мариной была в Париже?

— Да. Об этом я написала в своих «Воспоминаниях».

«Париж приближается. Его свинец, серебро, перламутры — тучи, лучи, дымки над маревом крыш — подступает все ближе, тая вширь, разливаясь и разбегаясь — навстречу летящему поезду. ...Avenue Jeanne d'Arc, 2.

Подъезд. Лестница. Через три ступени. Но рука не успела дотянуться к звонку — дверь уже открывается навстречу, два лица обозначаются в сумраке входа. Узнаю Мариныны черты — в верхнем; но сразу, точно кто подкосил ноги — я уже в три погубели, на короточках перед Муром. Как невероятно хороши! Русые кудри, крупная голова — маленький великан! Как похож на мать!..»

— Тогда мы все переболели скарлатиной, и Марина тяжелее всех. И больше мы не виделись. Последние мои им слова:

— Приезжайте в Россию.
— А потом мы переписывались. Но можно ли было без оглядки писать во время Сталина? Так что переписка была ограничена.

...Они приехали в Россию, в Москву. Началась война, и при первой же возможности она эвакуировалась в Елабугу. Ее сын Мур, Георгий, ходил на крыши домов тушить зажигательные бомбы. Марина любила его больше жизни и все время боялась — придет ли он сам или его принесут. «Если бы я узнала, что он убит — я бы, ни минуты не медля, бросилась бы из окна».

Она против воли вывезла его из Москвы. Но он бунтовал. Он не хотел жить в Елабуге... Он грубил. Марина переносила его грубости замершим материнским сердцем. Она была человек гордый, но очень многие говорят, что «она его рабски любила». «Пока я нужна, я буду жить».

Последним решающим толчком была угроза Мура, крикнувшего ей в отчаянии:

«Ну, кого-нибудь из нас вынесут отсюда вперед ногами!»

В этот час и остановилась жизнь.

...Меньше всего я возлагаю вину за смерть Марины на Мура... Я слишком отчетливо понимала жгучий узел, связавший их двух! И можно ли обвинить человека в шестнадцать лет за слепую страсть поступков и слов?!

Марина признавала Бога условно, у нее есть даже целый цикл стихов «Бог». Она любила Христа, любила Божию мать, но она не была близка к церкви. Церковь запрещает самоубийство, ведь жизнь человека в руках Божьих. Если бы она ходила в церковь, каялась, исповедовалась, причащалась, то, возможно, сумела бы пережить этот кризис.

— Анастасия Ивановна, даже в третьем издании «Воспоминаний» вы пишете, что «лето 1943 года, в разгар войны, я была на Дальнем Востоке». И все. А ведь там вы были в ссылке.

— В журнале «Москва» печатается мой роман. В нем описываются события тех лет, люди, познакомившиеся в этапном поезде, а этап был 17 дней, и познакомиться довольно близко было время. Они живут и работают. Все, о чем я пишу, не выдуманно, а было на самом деле. Писала я в лагере, рукопись чудом уцелела. Два года назад я с моим литературным секретарем многое добавила, доработала. Потому что о многом писать было нельзя. Теперь роман идет и называется «Амур». Любовь.

Думаю, Анастасия Ивановна простит мне довольно частые отступления, обильные цитаты — да и как обойтись без них?! Часы, проведенные в ее квартире, одухотворены де-

Моим стихам о юности и смерти — Нечитанным стихам! — Разбросанным в пыли по магазинам (Где их никто не брал и не берет!) Моим стихам, как драгоценным винам,

Настанет свой черед.

— «Несмотря на жизнь», вам удалось сохранить ту «высокую ноту», характерную для рода Цветаевых.

— Не надо терять духа. Это от слова душа. Бездуховная жизнь всегда чревата преступлением. Я думаю, что современные верующие молодые люди — хорошие нормальные люди. А вот те, у кого нет веры, кого воспитала наша страна, лишив их этой веры, лишив их Бога и не дав ничего взамен — трудные и, может быть, опасные. Но надежды терять не надо. Священники, знающие молодежь по исповедям, говорят, что есть, есть новая светлая Россия.

Я получаю много писем, стараюсь ответить всем, но не всегда это удается. Вот целая пачка свежих писем, а заняться ими смогу не скоро. Через три дня уезжаю в Эстонию. Сегодня машинистка сдала мою работу. Называется «Моя Эстония», как раньше «Моя Сибирь». В Эстонии я провела в общей сложности 23 года. Теперь еду туда с намерением издать рукопись в новом журнале «Радуга». В Эстонии у меня есть друзья.

— Анастасия Ивановна, вы знаете языки, а занимались ли вы переводами?

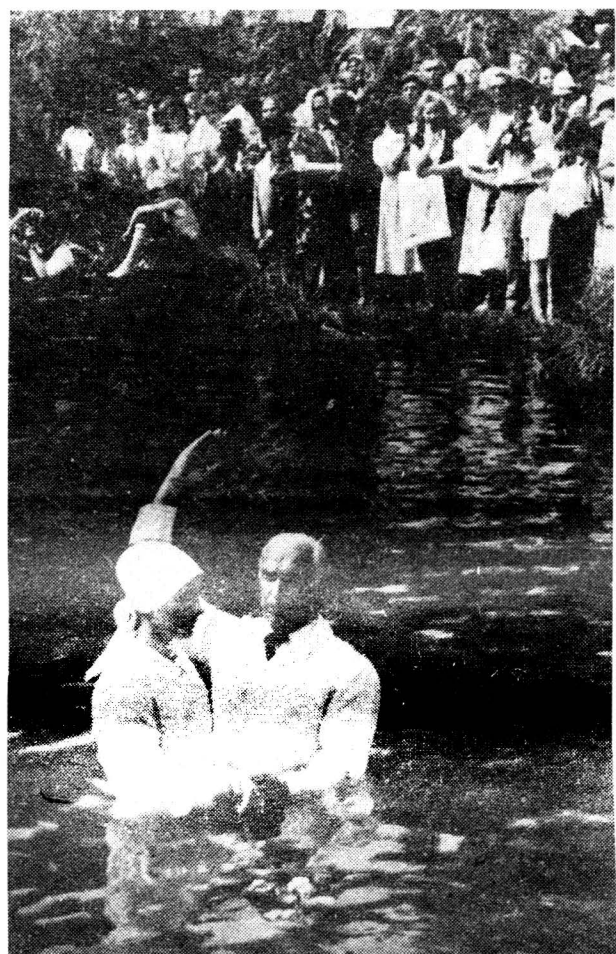
— Французский и немецкий я знала с детства. Так нас воспитывали родители. Потом выучила английский. Заниматься испанским стала в лагере. Благо, что были нужные книги. В сорок пять начала писать стихи на английском. Вероятно, выйдет сборник моих русских стихов, но их я писала уже после английских. Еще в 1937 году у меня возникла идея: к юби-

ВНИМАНИЕ

Покаемся перед ГОСПОДОМ...

перед

ДЕНЬ

сятислетиями жизни многотрудной, таинственной, большой и светлой. Светом космических озарений, пророчеств, страсти, любви, нежности, ненависти, пульсирующих в стихах Марины Ивановны.

Я бы, конечно, мог привести множество бытовых подробностей, милых, смешных деталей, прерывавших наш разговор. К примеру, Анастасия Ивановна покидала меня, чтобы в точно обозначенный, одной ее известный срок... съесть диетическую кашу. Или поведать о том, как она учила меня готовить различные блюда из картофеля: «Первым делом, мил человек, нужно непременно избавиться от злобных, всепроникающих химикатов...»

Но, поразмыслив, решил не живописать эти и другие отступления от главного. А главное, без сомнения, — стихи Марины Ивановны и воспоминания о ней Анастасии Ивановны.

Ну а что касается пророчеств, то вот одно из них, относящееся к 1913 году. Марина Цветаева написала стихотворение, которое я сейчас процитирую, в Коктебеле. И вновь — переключка времен, имен, судеб. Ведь в Коктебеле долгие годы жил и творил Максимилиан Волошин.

ВЕЧНЫЙ ГОЛОС.

Моим стихам, написанным так рано, что и не знала я, что я — поэт, Сорвавшимся, как брызги из фонтана,

Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти, В святилище, где сон и фишмам,

дею М. Ю. Лермонтова в 1941 году перевести на английский стихи его смертного года. Перевести рифмованно, тем же размером. Первые переводы понравились многим специалистам. Но затея рухнула. Меня арестовали, осудили на 10 лет и вывезли из Москвы.

— Сохранились ли эти переводы?

— Все, что я писала до 43 лет, все пропало. Пытаюсь отыскать, но увы... Духом не падаю. Может быть, действительно, рукописи не горят...

— Спасибо, Анастасия Ивановна, дай Бог вам здоровья.

Мне хочется, чтобы так оно и было. Чтобы не было в доме у Анастасии Ивановны Цветаевой после моего ухода, как в стихотворении ее великой сестры.

ВЕЧНЫЙ ГОЛОС.

Вот и уходят. Запели вдали Жалобным скрипом ворота.

Грустная, грустная нота... Вот и ушли.

Мама сережки сняла, — почему?

И отстегнула браслеты, Спрятала в шкафчик конфеты, Точно в тюрьму.

Красную мебель, отраду детей,

Мама в чехлы одевает... Это всегда так бывает

После гостей!

Борис СМОЛЬ.

Наш спец. корр.

Фото автора.

ЖЕЛЕЗНОВОДСК. Ставропольский край. «Наступил духовный голод» — эта фраза неоднократно звучала в выступлениях и призывах евангельских христиан, собравшихся в этот теплый летний день на острове курортного озера для церемонии водного крещения (28.07.90 г.). Праздник с яркими и доходчивыми выступлениями евангелистов-«профессионалов», песнопением, покаяниями перед Богом на склоненных коленях предшествовали водному крещению. Заблаговременная реклама о предстоящем торжестве собрала несколько сотен курортников, местных жителей; прибыли и представители средств массовой информации. Судя по отзывам, праздник удался.

— Если бы наши партийные деятели на местах могли так проникновенно выступать, брать за живое, за душу... — услышал я от ветерана с рядами орденов планок. — За 72 года Советской власти ни разу не слышал от наших высоких руководителей таких глубоких и ярких выступлений — особенно после слов, разнесенных мощными динамиками звуковой аппаратуры на всю зеленую округу и водную гладь со скопившимися лодками и катамаранами, о том, что «В СТРАНЕ НАСТУПАЕТ ДУХОВНОЕ ПРОЗРЕНИЕ...».

Многие из прибывших на зеленый островок на непривычную для нас церемонию просто из-за любопытства откликнулись на призыв-приглашение помолиться Богу, покаяться. Женщина, у которой в 1989 году

погиб сын в Афганистане; молодой человек, попросивший у Господа успеха в этой жизни; другой — «...наведи меня на путь истинный»; женщина кавказской национальности — «...очисти меня, Господи, дай здоровья мне, семье...».

К 20 пригостились к водному крещению, стоявших в белых одеждах в центре, прибавилось несколько желающих курортников и местных.

По завершению массового водного церемониала-крещения (первые в 50-тысячном городе-курорте) была организована продажа церковной литературы (книги, газеты «Христианин и Время»). Кстати, евангельскими христианами края с начала 1990 года организована периодическая выездная благотворительная библиотека, работающая в Ессентуках, Железноводске и других городах Кавминвод.

В ту же субботу вечером в общекурортном Дворце культуры выступила вокально-инструментальная группа миссии «Возрождение» с песнями, стихами, конкурсом. Победителям конкурса вручены призы: Библии, Детские Библии, Евангелие.

Там же, в Железноводске, была организована воскресная проповедь. В программе: хоровое и вокальное пение, чтение из Библии, стихи.

На снимках: фрагменты церемонии.

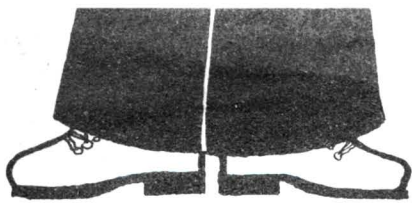
Александр МИХНО. Фото Николая ПУХЛОВА

*Желаю газете
„Сорок пятая параллель“
успеха и процветания!
Анекдот Цветаева
Москва,
4 июня 1990 г.
Духов День.*

ВНИМАНИЕ

45-я параллель

«Все нынче устали от лжи. Женщины устали от мужской, мужчины — от женской, все вместе — от всемирной. И художественные фантазии, сочиненности, выдуманности перестают воздействовать на людей. Люди хотят доподлинности хотя бы в книге, если в жизни им суют ложь и в глаза, и в уши, и в нос, и даже в вены — уколы какой-нибудь глюкозы...»

В нынешней ситуации я вынужден обманывать читателя изощреннее. Не просто совать ему череп Базарова, но сообщить, что Базаров на самом деле был, явился в дом Виардо, дал Тургеневу пощечину, они подрались, но потом помирились, вместе написались и попали в вырезыватель, который находится на углу улицы Жюбера и Коньяк-Жей, недалеко от площади Пигаль. И вот ко всему этому я еще должен приложить справку из медвытрезвителя и выписку из дневника супруга Полины Виардо, где тот злобствует по поводу происшедшего с Иваном Сергеевичем, которого вообще-то нежно любил всю жизнь. Вот после такого предисловия современный читатель совсем иначе прочтает «Отцов и детей». В этом жанре фон, подмалевка должны быть абсолютно документальными, истинно — без дураков — правдивы, а остальное...»

условия необходимые, но недостаточные. Нужна «особинка». У Конечского я учусь, правда, не всегда удачно, смеяться над самим собой.

«Часто удивляет дешевизна в нашей стране некоторых бытовых вещей, о цене которых узнаешь неожиданным образом или, если хотите, путем. Имею в виду чашки, тарелки, графины, наволочки или матрацы. Узнаю их цену в ресторанах или гостиницах, когда чего кокнешь или прожжешь. И каждый раз удивляюсь — дешева! А ведь годами прозябаешь дома с разбитой чашкой или вовсе без рюмок; или с графином, у которого давно горлышко треснуло, а пробка потерялась. И в голову не придет сходить в посудную лавку и тряхнуть мощной на три или даже пять рублей, ибо тебе не трешка мерещится, а минимум сотняга убытков.

Недавно в дорогом ресторане перевернул целиком стол на очередного своего режиссера-экранизатора. И обошлось все удовольствию в жадкий четвертак...»

очень откровенные. В 1976 году, уже будучи в эмиграции, Солженицын выпустил в издательстве «Посев» шеститомное собрание сочинений. В последнем томе (Виктор Викторович его мне показывал) собраны эти самые «непечатные» письма.

— Многие писатели-эмигранты не любят Солженицына за то, что людей подставляет, — рассказал Конечский. — Знал же, каково здесь приходится. Я увидел книгу в Лондоне, в русском книжном магазине. Думал, сразу с судна снимут и самолетом в Ленинград отправят. Да что я... Юрия Буртина после того из партии исключили. Он с инфарктом свалился...

Не знаю, ведал ли Александр Исаевич, что творил, но «те, кому надо», воспользовались своеобразным доносом на всю катушку.

Отдадим должное Конечскому, поднимавшему выше обид. В надевшей много шуму книге «Париж без праздника» («Нева», 1989, № 1—2) он с присущим изяществом контрабандно протасил полный текст письма Солженицына к съезду писателей, исключавшему его из союза. Это была первая публикация Александра Исаевича на Родине после десятилетий непрерывной хулы.

Знакомый писатель как-то с желчью в голосе сказал мне:

— Конечному было легко. Он всю жизнь на море проработал, от гонимых в такой степени, как мы, не зависел...

Сорок лет трудового стажа и книги, написанные в рейсах, — Конечному только плюс. Но как же легко

но страдали писатели, получившие какую-нибудь премию. Письма идут от инвалидов, вообще ущербных людей. Как помочь всем? И опять достаешь из почтового ящика пачку писем, поднимаешься на шестой этаж к себе и знаешь, что на тебя выплеснут очередную порцию человеческого горя...

Понять он может все. Горя познал немало, начиная с блокадного детства, рассказ о котором никак не подчинится перу. Но, люди, имейте же совесть, пощадите писательское сердце!

— Я как-то сказал, — подумав, продолжил Конечский, — что Чурбанову дали 13 лет, а капитанам столкнувшихся под Новороссийском кораблей — по 15 лет права апелляции. Насколько чудовищно и нелепо наше судопроизводство! И на меня посыпались письма людей, чьи родственники погибли на «Нахимове». Злобные письма. Люди этих капитанов разорвать готовы...

— Откуда в людях столько злобы?

— Это как раз понятно. Несколько месяцев назад я был в Гамбурге. Не впервые. Народ за сорок лет изменился совершенно. Я ведь даже язык слышать не могу — так после блокады немцев ненавидел. Да и ассоциировался они всегда с железными касками, «пруссским шагом». А увидел добродушнейший народ, открытых людей. Они просто хорошо живут. А наша сегодняшняя взаимная злоба от того, что в аптеке лекарств нет, от бесконечных очередей, от нищеты дикой.

— Оттуда же, насколько я понимаю, и пренебрежительное отношение

В СТИЛЕ "ФЭ"

Написано это лет двенадцать назад. Именно тогда (по иронии судьбы — на 45-й параллели!), восемнадцатилетним курсантом-практикантом, впервые вышедшим в море, я открыл для себя книги автора вышеприведенной цитаты. Судьба книг навсегда сплелась с судьбой читателя.

Открыл, конечно, не сам. Не Беллинский все-таки. Просто сидел в кают-компании нашего крохотули-гидрографа и мучительно продирался сквозь страницы «Идиота». Знал, что книга великая и что «каждый интеллигентный человек обязан ее прочесть». Но уж очень далека была глубинная мрачноватая психологичность и мудрость Достоевского от меня, счастливого обладателя веселого, неунывающего характера и несчастного выпускника средней школы эпохи расцвета застоя, одаренного педагогами «черно-белостью» и примитивностью восприятия литературы и жизни.

В кают-компанию заглянул второй штурман. Бросив взгляд на обложку книги, ухмыльнулся:

— Не знаю, кто такой Достоевский, но вот Конечский — это писатель!

Врал секунд! Знал он цену Федору Михайловичу, да и я с возрастом ее постиг. Что, впрочем, любви к Виктору Конечскому не уменьшило. Просто открыл в нем пласты, о которых прежде и не подозревал. Но это случилось потом. А в тот момент сентенция показала дремуче нахальной и откровенно шокировала. Реакцию человека в моем положении в книжках обычно передают так: «???».

— Фильм «Полосатый рейс» помнишь? Это его сценарий.

— Так он — юморист? — разочарованно протянул я.

— Запомни, сынок, — наставительно сказал штурман. — Конечский — это мужчина.

И принес «Соленый лед» и «Морские сны», зачитанные до дыр. Я открыл книгу и, что называется, «в клюз зашел», то есть полностью исчез из окружающей действительности (клюз — отверстие для якорной цепи).

Есть литература общечеловеческая (чаще всего просто бесполовая), есть — женская, есть — мужская. Храни господь от деления писателей по ранжирам, а уж тем паче на «плохих и хороших». Писатель — он либо писатель, либо бумагопереводчик. Толстой и Достоевский воспитывают Человека. Джек Лондон и Виктор Конечский — Мужчину. Бог весть, что труднее и достойнее, но одно другому не мешает. Напротив. Росейского читателя росейскому писателю поразить трудно. Произведения правдивы и тончайшее проникновение в закоулки души —

Впрочем, юмор для Конечского — не самоцель. В таких шедеврах, как, например, рассказы «Артист» и «Невезучий Альфонс», до слез хохочешь над каждым абзацем. А заканчивается все столь большими, щемящими, пронзительно-светлыми нотами, что душу преворачивает. Как в жизни и бывает обычно.

Кстати, с последним рассказом связана забавная, если смотреть на нее из девяностого года, история, которую рассказал мне сам Виктор Викторович.

В 1967 году, когда «Невезучий Альфонс» впервые увидел свет, газета «Красная звезда» разразилась весьма объемистой и грозной филиппикой по адресу литератора, посмевшего «издеваться над образом советского офицера». Ни больше ни меньше! В ту пору подобная оценка в центральной печати неминуемо оборачивалась «соргвыводами», а для читателей сигналом для прочтения «облаянного» автора. Сигнал, как правило, был безошибочным.

Журнал «Нева» расторг договор на публикацию новой повести писателя и потребовал возвращения аванса, который «уже давно был честно пропит». Конечский получил повестку в суд. Уныние неописуемое. А спасение оказалось в почтальонской сумке. Пришел очередной номер журнала, издаваемого Советским правительством для распространения в США, где злосчастный «Альфонс» был перепечатан.

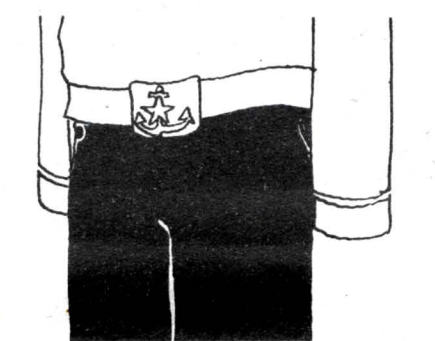
— Если правительство считает рассказ идеологически верным и печатает его для американцев, почему у редколлегии «Невы» иное мнение? — сакраментально поинтересовался Конечский в зале заседаний.

У тогдашнего руководства журнала «Нева» с тогдашним руководством страны расхождений быть не могло. Триумф полный. Если не считать мелоча — на добрых два десятка лет писатель стал в журнале «Нева» персоной нон-грата.

Однако тотальная идеологизация общества, плавно перетекающая в маразм, порой аукалась не столь безболезненно.

В конце шестидесятых, в разгар гонений на Солженицына, немало интеллигентных людей не побоялись поднять голос в защиту автора «Архипелага ГУЛАГ». Среди них — Конечский. Не из политических соображений, из элементарной порядочности. Он и сегодня уверен в том, что «писатель не должен заниматься политикой, он — политик своим воздействием на людей книгами».

Но, кроме официальных выступлений (за что были нещадно), существовал и второй эшелон поддержки — личные письма Солженицыну, для печати не предназначенные и потому

люди находят оправдания для собственной трусости...

— Виктор Викторович, раз уж зашел разговор об эмигрантах. Как вы думаете, кто из них вернется?

— Этот же вопрос я задал в Париже Виктору Некрасову. Кстати, он бы вернулся точно, смерть помешала... Так вот, Виктор сразу сказал: «Любимов! Режиссеру нельзя без актерского обожания». Из писателей никого не назвал. И я не рискну.

И он заговорил о друзьях-товарищах, из коих «иных уж нет, а те — далече» — Казакове, Высоцком, Евтушенко, Окуджаве. О ком-то он уже писал, о ком-то непременно напишет. И как бы ни чесались руки привести некоторые услышанные подробности, выходящие за привычные рамки восприятия известных людей, воздержусь. Право на их обнародование исключительно за Конечским...

Желание пообщаться с Виктором Викторовичем лично появилось у меня сразу после прочтения первой книги. Номер домашнего телефона раздобыл три года назад. Позвонить решился лишь сейчас. Нельзя отрывать у писателей их бесценное время по мелочам. В чем и убедился по ходу беседы, когда Конечский пожаловался:

— Почта замучила. Она очень удручающая. Кстати, многие писатели криком кричат. Астафьев чуть не в каждом интервью вставляет: «Не пишите мне писем о своих бедах! Я не Советская власть, не милиционер, не судья. Я — рядовой человек». Все равно пишут. Особенно жены осужденных, одинокие женщины. Прочтает она твою книгу под настроение, ты кажешься ей единственным человеком, способным понять. Если из жалости ответишь, письма будут приходить каждую неделю. Наш народ считает, что журналисту или писателю больше заниматься нечем. Ему в голову не придет обратиться куда-то еще. Да и то... У райкома мильтон стоит, в Совете просто на три буквы посылают. Впрочем, обращение к литератору в России традиционно. Посмотрите письма к Толстому, Чехову... Одно время было много просьб о деньгах. Особен-

к нам на Западе?

— И на Востоке тоже. Там лавочки, специально обслуживающие наших людей. Ни один местный человек это дерьмо покупать не станет. А мы берем. Ведь заработки у моряков очень маленькие. Попадая за границу, они вынуждены за копейки всякую дрянь покупать и здесь перепродавать. Это развращает. Спекуляция — не мужское занятие.

— Духовный кризис — как следствие кризиса экономического и политического... Сейчас много надежд на возрождение духовности связывают с раскрепощением интеллиген-

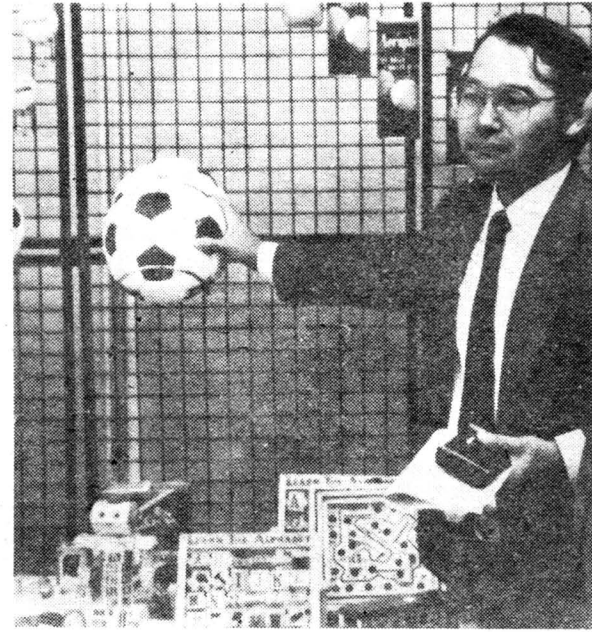
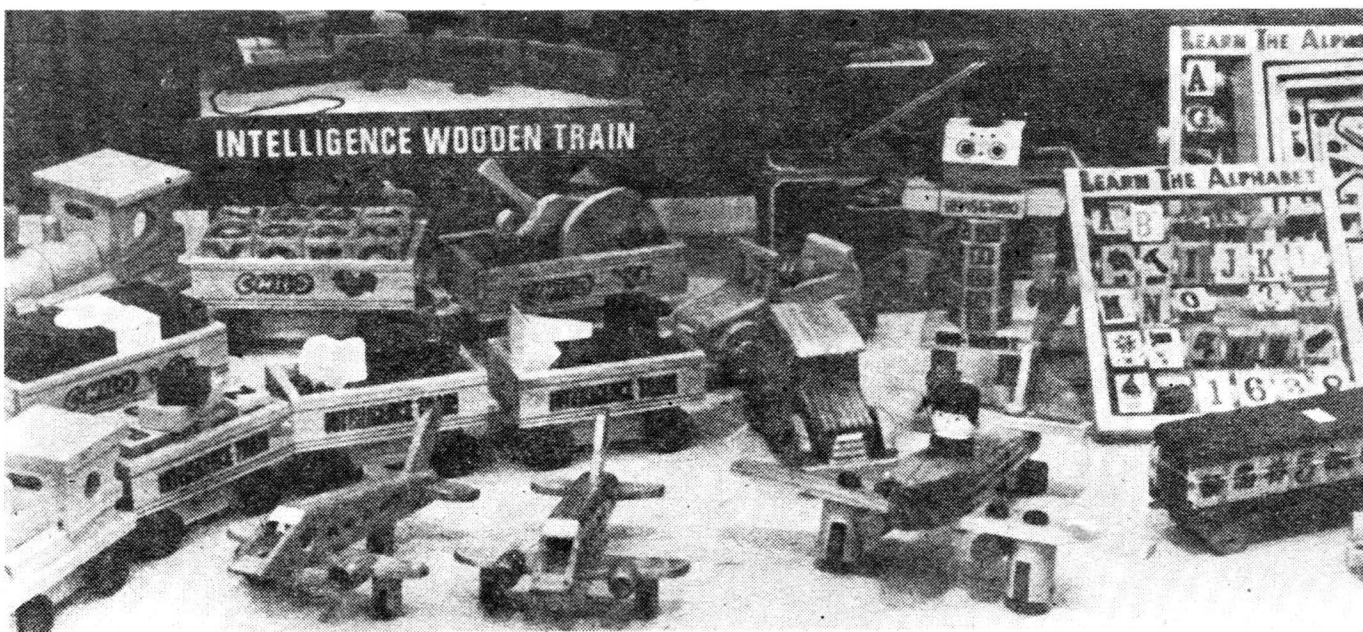
ции. А Ленинград всегда славился особым духом. Вы как-то написали: «Это был старый ленинградский интеллигент, из тех, кто даже кошке говорит «вы»».

Ничего от этого духа не осталось. Сталин не любил Ленинград — у страны должна быть одна столица, а у нас их оказалось две. В Ленинграде был действительно революционный рабочий класс. Его консолидация с интеллигенцией Сталина раздражала. Отсюда и репрессии, сравнимые разве что с Тбилиси. Я считаю, что и блокаду можно было прорвать за год-полтора. Но Сталина устраивало, что немцы и голод уничтожают рабочий класс, который пугал «вождя» своей организованностью. Потом на месте коренных ленинградцев оказалось много новых людей. Так что пресловутая ленинградская интеллигенция давно растворилась. Остались лишь мастодонты типа Лихачева. И у меня нет никакой надежды на ее возрождение. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку...

Возможно, он прав. Недаром говорят, что пессимист — это наиболее информированный оптимист. Но лично я, вероятно, по наивности и молодости, очень верю в интеллигенцию вообще и ленинградскую в частности. Чтобы не завершать общение на мрачной ноте, задаю вопрос не столько писателю, сколько штурману, сорок лет бороздившему моря и океаны:

В СШ... ретать э... лет все... даю спос... стоте и... гаю к... графичес... ру. Этог... ленной и... ние. И в... в книгу

Солнце восходит с Востока

Одна из крупнейших торговых фирм Японии, «Иточу», организовала в Москве, в выставочном комплексе «Красная пресня», экспозицию «Товары народного потребления». С главой представительства фирмы в Москве господином АОЯМА Мичия встретился наш специальный корреспондент Вячеслав ЛОБАЧЕВ.

Господин Аояма вежлив и предупредителен (впрочем, по нашему представлению, другими японцы и не бывают). На улице страшная жара, и глава представительства, извиняясь, сообщает, что, к сожалению, в офисе, кроме пива, других прохладительных напитков нет. Я сочувствую этому крохотному недоразумению и, по законам гостеприимства, не смею отказаться. Пока накрывают на стол, окидываю взглядом скромно обставленное помещение: самая обычная инвалидная мебель, легкие раздвижные перегородки — моментально меняющая площадь комнаты, еще какие-то приспособления и устройства...

Фирма «Иточу» начала свою деятельность в 1858 году. Основной капитал составляет 1239 млн. долларов. Выручка от продаж — 121 млрд. долларов. Товарооборот с СССР, включая дочернюю компанию «Прогресс Трайдинг», — свыше 800 млн. долларов в год. Число служащих — 10000 человек.

Глава представительства растегиивает пиджак. Честно говоря, рассчитываю увидеть карманный телевизор с одной стороны, с другой — маленькую ЭВМ, но господин Аояма, улыбаясь, протягивает визитную карточку. Беседа начинается. На чистейшем русском.

— Господин Аояма, ваша фирма впервые организует свою выставку в Союзе?

— Это не совсем так. Каждый год в Москве проходят различные международные выставки. «Иточу» почти всегда принимает в них участие. Но на этот раз мы устроили фирменную выставку товаров широкого потребления. Персональную.

— Ваши товары будут продаваться за свободно конвертируемую валюту. У большинства наших сограждан она пока полностью отсутствует. Тем не менее вы устраиваете выставку. Значит, вы все-таки надеетесь заключить контракты?

— Конечно. Наша история торговых отношений с СССР длится больше тридцати лет. И мы всегда находим общий язык. Но то, что происходит у вас в стране, перестройка — такая ситуация складывается впервые. Поэтому нам надо действовать в соответствии с этими изменениями. Старые, традиционные формы торговли надо забыть и создавать новые формы бизнеса. У нас есть уже опыт совместного предприятия — называется «Лидога». Оно находится в 200 км от Хабаровска. Там мы организовали производство пиломатериалов и комплектующих для изготовления мебели. В августе состоялась церемония открытия завода. Мы планируем сейчас первое совместное предприятие в СССР. Скоро начнется борьба за ваш рынок, и нам нельзя упускать возможности.

— Какой примерно процент от товарооборота фирмы составляют сделки с Советским Союзом?

— Пока очень не назойливо: около полутора процентов.

На ограниченной выставочной площадке представлено максимальное количество превосходных товаров. Одно их перечисление могло бы занять несколько страниц. Поэтому ограничусь самым-самым: автомобили «Мазда», мужская, женская и детская одежда, трикотажные и текстильные изделия, цветные телевизоры, холодильники, микроволновые и электропечи, косметика, принадлежности туалета, ювелирные изделия, игрушки, радиоприемники с часами, часы с радиоприемниками, фотокамеры, разовые шприцы, моющие средства, быстроприготовляемые пищевые продукты, спортивный инвентарь, ручная распылитель...

«Иточу» структурно разделена на следующие отделы: текстильных изделий; металлов; машиностроения; информации, связи и космоса; продовольствия; лесоматериалов; целлюлозной массы и каучука; энергии; химических продуктов; строительства и административно-управленческий.

— У нас в стране сейчас возникает много совместных предприятий. Как вы оцениваете надежность заключенных контрактов, гарантию их исполнения советской стороной?

Японский бизнесмен очень серьезно относится к своему партнеру. Вы знаете, например, в прошлом году японские фирмы и компании инвестировали более 60 млрд. долларов. В основном инвестиции были направлены в Европейский Общий рынок, в США, страны АСНА и Юго-Восточной Азии, в СССР.

Раз мы здесь мастерим какие-то дела, то они должны быть эффективны и взаимовыгодны для обеих стран. С этой точки зрения японский бизнесмен очень осторожно смотрит на советский рынок. Пока нет конвертируемости рубля, трудно рассчитывать на какие-то дивиденды.

Кстати, у вас сейчас происходит законодательная реформа, где нас особенно интересует порядок регистрации зарубежных предприятий. Поэтому нам надо хорошо осмотреться, изучить их.

— Вы представили товары исключительно японского производства?

На этот раз мы экспонируем товары не только из Японии, но и из США, Южной Кореи, Таиланда, Сингапура, Китая, Гонконга. Мы старались представить на выставке хороший товар, чтобы он соответствовал вашим требованиям. Например, производство в Китае, Гонконге налажено по японской технологии. И по вашему желанию эти страны смогут наполнить качественным, нужным товаром будущий рынок в СССР.

«Иточу» финансирует более 700 японских фирм. Кроме того, она имеет в 84 странах 147 опорных баз и филиалов, а также 140 совместных предприятий в различных регионах мира.

По сути говоря, «Иточу» представляет собой самую крупную в Японии торговую-закупочную контору, способную удовлетворить требования самого капризного покупателя.

— Как обстоит дело с открытием филиалов вашей фирмы у нас в стране?

— В 1958 году «Иточу» впервые командировала своих работников в Москву. В ноябре 1967 года было выдано официальное разрешение на открытие московского представительства фирмы. Сейчас мы намерены открыть свои филиалы в Ленинграде, на Дальнем Востоке, потом на Украине...

— Как бы вы отнеслись к тому, чтобы открыть филиал в Ставропольском крае, который расположен на одной широте с Японией? Напомним, где это находится: город

Ставрополь, Северный Кавказ, Кавказские Минеральные Воды, Пятигорск, Кисловодск...

— Ого!

— ...Железноводск, Ессентуки...

— Знаю! Знаю! Там надо развивать международный туризм! Пока у нас есть намерение открыть те филиалы, о которых я говорил. Конечно, мы знаем ваши возможности. Надо развивать туризм. Это целая система. Это не только построить гостиницы, организовать сервис, пригласить туристов. Туризм — это система отношений, это большой комплекс вопросов...

— Ваша фирма занимается и туризмом?

— Пока нет. Но мы имеем тесную связь с основными японскими туристическими фирмами. С ними и надо будет рассмотреть возможность развития туристических отношений с СССР.

— То, чем торгует японская сторона, — понятно. А ответная торговля?

— Сейчас особенно интересуют различные материалы, сырье, древесина, морепродукты, цветные металлы, текстиль, полезные ископаемые... Мы также рассматриваем ваши технологии. Идет конверсия, и хорошие технологии у вас есть. У вас очень развиты фундаментальные науки и исследования. Если их объединить с каким-нибудь японским институтом или заводом, то может получиться очень хороший результат.

— Наши фундаментальные науки, фундаментальные разработки, ваше производство?

— Да. Необходимо комбинировать.

— И как скоро Фудзияма с Эльбрусом смогли бы обменяться рукопожатиями?

— Скоро, скоро. Все зависит от нас с вами.

НА СНИМКАХ: господин АОЯМА Мичия; экспонаты выставки.

Фото Сергея СОСЕДОВА.

ЖИВАЯ КОПЕЙКА

Понсками конвертируемой валюты занялись карикатуристы, участвовавшие в выставке, проходившей недавно в Ленинграде. Перед вами один из образцов. Главное его до-

стоинство — конвертируемость в любом плане баре, вино-водочном магазине и прочих местах, столь часто посещаемых любителями. Эту «Треху до среды» привезла сотрудница «45» И. Краснч.

СВЯТЫЕ ТАИНСТВА: ПОКАЯНИЕ

В Таинстве Покаяния христианин подает очищение от грехов, совершенных после Крещения. Кающийся исповедует свои грехи Господу и Его Церкви в лице ее представителя — епископа или священника, по молитвам которого Господь прощает исповеданные грехи и воссоединяет покающегося с Церковью.

Всякий грех есть отказ от Божественного Света. Для того, чтобы увидеть свое зло, надо видеть Свет и Красоту Божией Правды, воссиявшей более всего в лице Господа Иисуса Христа, в Его Евангелии, а также в святых людях. Поэтому надлежит каяться перед лицом Господа, Которому Отец Небесный отдал весь суд на земле. Суд же состоит в том, что Господь есть Свет, а отвергающий этот Свет сам в себе несет наказание, уходя во тьму.

Всякий грех есть грех против любви, так как Сам Бог есть Любовь. Нарушая закон любви, всякий грех ведет к раздельности с Богом и людьми и, следовательно, является грехом против Церкви. Поэтому согрешающий отпадает от Церкви и должен каяться перед нею. В древ-

ности грешник являлся перед всем церковным собранием; теперь же священник один принимает исповеди от лица Господа и Церкви.

Грех заключается не только в отдельных поступках человека, он является постоянной болезнью, не допускающей человека принимать дар Божественной благодати, лишает его источника истинной жизни. Чтобы дышать благодатью, надо постоянно выдыхать перегар греха. Постоянно проверяющий себя и хотя бы на вечерней молитве вспоминающий свой прошедший день, успешнее кается во время исповеди. Кто же пренебрегает ежедневной гигиеной души, легко впадает в большие грехи, иногда их даже не замечая. Покаяние, предшествующее исповеди, требует, во-первых, осознания своих грехов; во-вторых, горького сожаления о них; и, наконец, решимости исправиться.

Борьба с грехом должна выражаться в раскрытии своей души перед Богом и другими людьми, так как корень греха есть самолюбивое замыкание человека. Исповедь и есть прежде всего выход из болезненной субъективности; она требует и

самопожертвования, без которого нет настоящей любви. Рассказ о грехе, нередко сопровождаемый жгучим стыдом, помогает отсечению греха от здорового ядра личности. Иная болезнь неизлечима без лезвия хирурга или прижигания. Исповеданный грех становится чуждым человеку, а скрытый производит нагноение всей души.

Современный психоанализ открыл много ценного в этой области, но не знает, в чем настоящее здоровье и где его искать. Мы исповедуемся не столько для того, чтобы избежать наказания, сколько чтобы избавиться от грехов, то есть избавиться от их повторения. Принимая кающегося, священник обращается к нему: «Будь внимателен, ты пришел во врачевницу, не уйди отсюда невыздоровевшим».

Грех разлагает нашу личность, а вернуть ее целостность, исцелить может только Божественная любовь. Мы и приходим за нею в Церковь, где Сам Христос исцеляет нас Своєю любовью.

Подготовкой к исповеди служит, во-первых, духовная жизнь человека с постоянным упражнением совести, о чем было сказано выше; и, затем,

особые средства, как-то: уединение для размышления о своих грехах, молитва, пост, чтение Священного Писания и духовных книг.

Исповедь должна быть полной, точной без самооправдания. Надо сначала помянуть наиболее досаждающие грехи (страсти, пороки), с ними и бороться надо в первую очередь, а также грехи против любви (осуждение, злоба, вражда). Эти грехи должны быть предметом постоянного покаяния и борьбы, так как Бог есть Любовь. По этой же причине перед исповедью надо примириться со всеми, прощая и прося прощения. Господь сказал: «Если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6, 15).

Все, что говорится на исповеди, священник хранит как безусловную тайну. Как духовно-лечебное средство священник может наложить на кающегося епитимью, например, назначить ему особые духовные упражнения или временно не допустить до Святого Причащения.

Материал подготовлен на основе православного КАТИХИЗИСА (Москва, 1990).

В один из дней минувшего лета в редакцию пришел ставропольский фотограф Сергей Рябченко и принес фоторепродукцию иконы, находящейся в храме села Кочубеевского (именно эта репродукция и помещена в сегодняшнем выпуске «Алтаря»). Мы обратились с просьбой рассказать об истории появления этой иконы в храме тогдашнего настоятеля (ныне он служит в ставропольском Андреевском соборе) отца Александра Фисюна:

— Интерес к этой именно иконе закономерен. «В скорбях и печалех утешение» написана нашим современником, моим прихожанином. По профессии художник, он, обратившись к Богу, почувствовал стремление к иконописи.

И одновременно нельзя считать эту икону совершенно новой. Она выполнена по греческому образцу XIV века (оригинал в настоящее время находится в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина в Москве).

Можно ли из этого заключить, что суть дела заключается в том, что талантливый профессионал взял для подражания прекрасный образец и талантливо его воспроизвел? Если бы речь шла о картине, то с таким утверждением можно было согласиться без споров. Но икона — это ни в какой мере не картина. Многие верующие сегодня не вполне осознают особые свойства иконы, ее отличие от картины. К слову сказать, и первая реакция прихожан на появление в храме новой иконы была неоднозначной, в чем-то неодобрительной. Но прошло небольшое время, и сегодня люди не представляют себе уже храм без этой иконы.

Итак, что же такое икона в Русской Православной Церкви? Это, конечно же, не картина и не иллюстрация. Древние святые называли икону молитвой в красках. Для нас важно не качество письма, а соответствие канону (характерная черта, например, обратная перспектива). Еще точнее будет сказать, что качество письма и уровень духовности благочестия иконописца взаимосвязаны.

Настоящий иконописец работает не ради славы (он, например, никогда не оставит на иконе или фреске свой знак, подпись, в отличие от светского живописца) и не ради денег. Написание иконы равнозначно духовному подвигу. Иконописец в иконе запечатлевает не внешние признаки, а духовное состояние.

Именно это обстоятельство объясняет нередкие случаи, когда икона оказывалась наделенной чудотворной силой. Известны случаи, когда даже не сама Икона Черниговской Божией Матери, но даже литография с нее способствовали чудесному исцелению, исполнению желания.

ПРИХОЖАНИН.

— Назовите нам, пожалуйста, десять заповедей Господних. Нет, не отсебятину, а точно по Библии, — немолодой священник строго смотрит поверх очков на терпящегося от волнения высокого худого мужчину и с трудом скрывает невольно прорывающуюся добродушную усмешку. — Хорошо, а теперь, пожалуйста, сто первый псалом...

— Боже, очисти мя грешного, — без запинки выводит старинные слова молитвы внешне невидный, маленький, но с горячими «шалными» глазами юноша...

Все это происходит во время приемных экзаменов — первых после двадцатилетнего перерыва. Именно столько была закрыта старейшая на Кавказе духовная семинария — Ставропольская, а город, в самом названии которого символ христианства (в переводе с греческого Ставрополь — город Креста), обходился единственным приличным храмом, но... немощной тесноты.

Этот день в храме начинался торжественно: службу вел сам владыка — митрополит Ставропольский и Бакинский Гедеон. Во время великого Таинства Приобщения к Богу звучал необыкновенно красивый хор: будучие семинаристы показывали, что они в храме не новички.

Конечно, не все из них одинаково сильны в богословских вопросах, не все детально разбираются в особенностях различных церковных обрядов, но это не беда: для того и пришли в семинарию — высшее учебное заведение, в котором предстоит им провести ровно пять лет, — чтобы научиться теологическим премудростям. А еще — получить общее образование, необходимое каждому культурному человеку, но, увы, далеко не всегда достижимое в стенах светского вуза.

Абитуриенты совсем разные. У одних за плечами только школа, другие успели окончить институт, третьи — уже священники, но сознано недостаточность своей подготовки... Игорь Левандовский из семьи убежденных атеистов, в школе увлекся химией, информатикой... Юный симпатичный парень выбрал служение Богу, важнее которого, по его словам, не может быть ничего. С ним вместе поступает в семинарию уроженец Майкопа с милой домашней фамилией — Николай Малинка: он давно поет в церковном хоре.

Закончится проверка знаний юношей, и в тихих пока аудиториях смелят их девушки. Для них при семинарии открыт регентский класс, где можно будет получить общее музыкальное образование и внимательнейшим образом изучить великую русскую музыку — ту ее часть, которая 70 лет как бы не существовала вовсе.

— Общество нуждается в проповедниках мира, нравственности, милосердия, а Господь в соратниках своих на земле, — обратился после благословения к абитуриентам владыка Гедеон. — Иди за Христом, нести его слово людям — это царский путь, на котором надо быть и верным сыном церкви и верным сыном нашего Отечества...

Марина ГЛЕБОВА.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы над сопротивными даруй, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

УМОЗРЕНИЕ В КРАСКАХ

«Когда в XVII веке, в связи с другими церковными новшествами, в русские храмы вторглась реалистическая живопись, следовавшая западным образцам, поборник древнего благочестия, известный протопоп Аввакум в замечательном послании противопоставил этим образцам именно аскетический дух древней иконописи...» «Старые добрые изографы писали так подобие святых: лицо и руки и все чувства отначали, измоздили от поста и труда и всякия скорби. А вы ныне подобие их изменили, пишете таковых же, каковы сами».

Эти слова протопопа Аввакума дают классически точное выражение одной из важнейших тенденций древнерусской иконописи; хотя следует помнить, что этот ее скорбно-аскетический аспект имеет лишь подчиненное и притом подготовительное значение. Важнейшее в ней, конечно, — радость окончательной победы Богочеловека над зверочеловеком, введение во храм всего человечества и всей твари; но к этой радости человек должен быть подготовлен подвигом: он не может войти в состав

Божьего храма таким, каков он есть, потому что для необрезанного сердца и для разжиревшей, самодовольшей плоти в этом храме нет места; и вот почему иконы нельзя писать с живых людей.

Икона не портрет, а прообраз грядущаго храмового человечества. И, так как этого человечества мы пока не видим в нынешних грешных людях, а только угадываем, — икона может служить лишь символическим его изображением. Что означает в этом изображении истинная телесность? Это — резко выраженное отрицание того самого биологизма, который возводит насыщение плоти в высшую и безусловную заповедь. Ведь именно этой заповедью оправдывается не только грубо-утилитарное и жестокое отношение к низшей твари, но и право каждого данного народа на кровавую расправу с другими народами, препятствующими его насыщению. Измозженные лики святых на иконах противопоставляют этому кровавому царству самодовольщей и сытой плоти не только «истонченные чувства», но прежде всего —

новую норму жизненных отношений... Поверливатому наблюдателю эти аскетические лики могут показаться безжизненными, окончательно иссохшими. На самом деле... в них с несравненной силой просвечивает выражение духовной жизни, и это — несмотря на необычайную строгость традиционных, условных форм, ограничивающих свободу иконописца.

И именно здесь (в иконах. — Ред.) сказывается во всей своей поразительной силе то высшее творчество религиозного искусства, которое низводит огонь с неба и освещает им изнутри весь человеческий облик...

Из публичной лекции князя Е. Н. Трубецкого «Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи». Москва, 1916.

КАЛЕНДАРЬ
21 (8) сентября — Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.
27 (14) сентября — Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня.

ИДИТЕ К НАМ

**И ПОМНИТЕ — МЫ
ВЫПУСКАЕМ
ЧИСТОШЕРСТЯННУЮ
ПРЯЖУ,
ПРОДУКТ,
ТРЕБУЮЩИЙ
ТЕПЛА И
ЗАБОТЫ
ВАШИХ
РУК.**

Нет проблем!

Не беда, если вы пока не обладаете рабочими навыками операторов ленточного, ровничного, гребнечесального оборудования. Эти и другие профессии вы сможете получить через учебно-курсовый комбинат

**НЕВИННОМЫССКОЙ
КАМВОЛЬНО-ПРЯДИЛЬНОЙ
ФАБРИКИ,
КРУПНЕЙШЕГО
СОВРЕМЕННОГО
ПРЕДПРИЯТИЯ
СТАВРОПОЛЬЯ.**

Мы сделаем из вас классных специалистов максимум за полгода.

А мастерство в наше время — это валюта, которой не страшна инфляция.

Мы заинтересованы в том, чтобы при первых шагах работы на фабрике вы чувствовали перспективы, которые так нужны молодым: за время обучения вы будете получать ученические плюс зарплату за выработанную продукцию; девушкам, еще не обремененным заботами о семье, предлагаем благоустроенное молодежное общежитие. Есть у нас и «малосемейка» для тех, кто уже решил свой семейный вопрос.

Квартира — заветная мечта для многих, и для рабочих фабрики мы ведем строительство жилых домов.

За подробностями ваших перспектив у нас обращайтесь

Ставропольский край,
Невинномысск,
ул. Зои Космодемьянской, 1.

ДЕВУШКИ НЕТ ПРОБЛЕМ

Позвоните по этим телефонам, и у нас найдете что рассказать о крупнейшем предприятии Ставрополя: 2-11-93, 9-24-04.

GR

Его воскрешение состоялось на гребне волны 100-летнего юбилея (1986). С этих пор общественная мысль неустанно обращается к той детали биографии, которая стала причиной дольнейшей посмертной опалы Гумилева. То есть к факту участия поэта в контрреволюционном заговоре, последующим осуждением и казни по приговору петроградской ЧК в августе 1921 года.

ГИБЕЛЬ ГУМИЛЕВА

Тревожный интерес к судьбе поэта сложился в тенденции обелить, очистить его биографию и честь, освободить его от давнего приговора и вынести новый, оправдательный вердикт. Общий тон этой тенденции определен категорически: «Зря его расстреляли» (Н. Тихонов).

Но аргументация «вердикта» предлагается весьма различная: от простейшей (мол, как поэт Гумилев ни единой строкой не осудил Советской власти) — до сложно-неожиданной (не только не было участия в заговоре, но и сам заговор вряд ли имел место).

К слову сказать, аргумент В. Карпова: «...доказательство вероятной ложности Гумилева в том, что у него нет антисоветских стихотворений. Ни одного!» — не представляется не только убедительным, но и попросту серьезным. Что такое «антисоветские стихотворения»? И если таковые вообще существуют, не послужит ли их образцом, например, гумилевское, написанное незадолго до гибели:

Не Царское Село, к несчастью,
А Детское Село, — ей-ей.
Что ж лучше —

быть царей под властью

Иль стать игрушкой злых детей?

В атмосфере повышенного любопытства к последнему смертному приложению поэта, путешественника и воина, всегда стремившегося навстречу опасности, особый интерес сегодня представляет давно забытое, да и в свое время не наделавшее шума в читательской среде произведение малоизвестного поэта-волжанина Дм. Кузнецова, в 20-е годы — активного члена Всероссийского Союза Поэтов.

Эта небольшая повесть в 50 страниц, написанная в 1925 году и выпущенная в свет издательством Союза в Москве в последний год его существования. Ее название — «Елизавета, или Повесть о странных событиях жизни моей».

В предисловиях — Б. Садовского и авторском — дружно указан в качестве «первоисточника» и образца, которому следовал автор, прославленный фантастический роман В. Брюсова «Огненный ангел».

«В повести Дмитрия Кузнецова «Елизавета...» лица и положения взяты из романа Брюсова «Огненный ангел», — сообщает Б. Садовский и тут же определяет меру их сходства и различия (в пользу безвестного автора), — в повести Кузнецова тема «Огненного ангела» перенесена на русскую землю и, лишенная своей эстетической исключительности, облекается живой плотью».

В авторском вступлении обращение к литературному источнику объясняется стремлением уравновесить тревожные впечатления («пейзажи») эпохи 20-х годов отстоявшейся мудростью давних времен и для этого «рассказать о наших днях в манере старинных писателей».

Образцом такой «манеры» и представился автору повести стилизованный роман Брюсова. Настраивая читателя на почти фантастическую необычность событий, сложивших по-

вестование, Кузнецов выбрал эпиграфом к своему произведению цитату из самой фантастической главы «Огненного ангела», посвященной описанию сатанинского шабаша.

Закрепляя аналогию с «Огненным ангелом», автор и издатель «Елизаветы...» использовали для оформления книги гравюру А. Дюрера, фигурировавшую и в оформлении брюсовского романа, другие старинные гравюры и книжные знаки, подобные тем, которые украшали страницы «Ангела» в первых изданиях.

Сюжет повести Кузнецова откровенно повторяет основную цепь событий, сложивших сюжет «Огненного ангела».

Молодой человек, какое-то время скитавшийся и воевавший в чужих краях, возвращается на родину — и здесь встречает женщину — странную, одержимую какой-то сверхстрастью. Он становится в ее руках орудием мести неверному возлюбленному.

У Брюсова на этот сюжетный стержень нанизаны события значительные и востанну чудодейственные, у Кузнецова этот остов равновелик содержанию: Полное название «повести в 16-ти главах» В. Брюсова приоткрывает соотношение сюжетной коллизии с полным объемом содержания романа: «...правдивая повесть, в которой рассказывается о дьяволе, не раз являвшемся в образе светлого духа одной девушке и соблазвившем ее на разные греховные поступки, о богопротивных занятиях магией, астрологией, гоетией и некромантией, о суде над одной девушкой под председательством Его преподобия архиепископа Трирского, а также о встречах и беседах с рыцарем и трижды доктором Агриппою из Неттесгейма и доктором Фаустом...».

Если Кузнецов и ориентировался на содержание брюсовского романа, то взял из него лишь одну линию содержания: «правдивую повесть» о женщине, одержимой демоном. «Богопротивные занятия», святая инквизиция в действии, доктор и рыцарь Агриппа, бесовский шабаш, Фауст и Мефистофель — все это ушло от его внимания, как ненужный строительный хлам.

Но, перенесенная в атмосферу иного времени, вечная история бесноватой, ревнивой женщины не обросла здесь теми новыми реалиями, тем «пейзажем» 20-х годов, о котором автор в специальном предисловии рассуждал как о своей главной художественной заботе. Более того: как только в поле зрения повествователя попадает факт, сколько-нибудь характерный для этого «пейзажа», автор отделяется от него, переуступая, переадресовывая какому-нибудь иному рассказчику, более занятому проблемами современного быта. Столкнувшись по дороге в Москву в переполненном вагоне со множеством людей, енящихся с мест в поисках удовольствия, герой и повествователь «Елизаветы...» историк Георгий Львов вскользь замечает, что все это могло бы послужить дополнительным ма-

териалом для книги Г. Уэллса «Россия во мгле», но мало касается его — искателя вечности в мгновении.

Выходит, перенетая на новый лад история, случившаяся в 1534 году в Германии с ландскнехтом Рупрехтом, бесноватой Ренатой и загадочным графом Генрихом Оттергеймом, а летом 1920 года повторившаяся в России с Георгием Львовым, Елизаветой Сухотиной и демоническим князем Георгием Раменским (он же — известный поэт Леонид Рунов), рассказана отнюдь не для того, чтобы в обобщениях и аналогиях с давними преданиями постигнуть причуды нового быта.

В этом стилизованном повествовании заложена какая-то иная мысль, потаенная, но вполне определенная идея, которая в 1925 году уже не могла явиться в свет без сложного декорума, заимствованного в полумистическом сочинении Брюсова. Поддельваясь под стиль и содержание «Огненного ангела», Кузнецов в ту пору не столько проработал, сколько маскировал свой исходный замысел. Однако ж обнаружить его особой сложности не представляет.

С самого начала повествование начинает обрастать деталями, вполне вынятными читателю 20-х годов и лишь теперь требующими некоторых пояснений. Появление героини, сельской учительницы Елизаветы Сухотиной, откровенно переключается и ситуативно, и чертами загадочно-необычного характера со сценами «Огненного ангела», где герою впервые являет-

ся Рената. Но одновременно и более настойчиво читателю навязываются черты иного сходства — Елизаветы с прославленной поэтессой Анной Ахматовой.

Портрет героини в первой главе повести открыто повторяет черты широко известного тогда лирического автопортрета. Сравним: «...она остановилась у шкафа в старом сереньком платье из ситца с открытой шеей и в туфельках на стоптанных каблуках», и —

В этом сером, будничном платье,
На стоптанных каблуках...

Но, как прежде, жгуче обаянье,
Тот же страх в огромных глазах.

В дальнейшем развитии сюжета исповедь Елизаветы еще укрепит это сходство с реальной и уже легендарной Ахматовой, в каком-то смысле символом своей эпохи.

«Девочкой я была странная», — скажет Елизавета, но оставит это заявление без пояснений и расшифровки: никакой брюсовской чертовщинки, ни явлений ангелоподобного Мадизля в ее судьбе не было. Просто: «странная девочка», не такая, как все.

«Такая, как я есть, я стала потом, когда приехала в Петербург учиться. Я попала в среду литераторов, художников и молодых архитекторов. И тогда прошла через все это — кафе, мансарды, ночные чайные и проспекты, мистические кружки и оргии...».

Тут уже ничего не осталось от одержимой Ренаты из «Огненного ангела». Это судьба Ахматовой, точнее — ее героини, а может быть — множества «подахматовок», как называл когда-то Гумилев многочисленных поклонниц и подражательниц прославленной поэтессы, тиражировавших ее природную «странность», то есть одержимость творчеством, и готовых твердить вслед за нею:

— Все мы бражкины здесь,
блудницы...

Явление героя повести, графа и поэта, тоже содержит в себе эффект мгновенного узнавания.

«Я давно знал это лицо, — свидетельствует рассказчик, едва глянув на портрет в медальоне Елизаветы, — эту странную голову, чрезмерно вытянутую, эти сощуренные, узкие, в сторону глядящие глаза, эту шею в высоком воротнике (...), его прямую, мужественную фигуру, весь как бы бесстрастный образ его, точность движений, однообразие интонаций, все, что запоминается раз навсегда, — от глаз до манеры складывать руки, эту необыкновенную внешность, за которой равно могла скрываться и ледяная, и пламенная душа».

Еще более узнаваем герой-поэт в характеристике его творчества, сделанной явным поклонником, а может быть, даже учеником:

«Тогда мне вспомнились его стихи: конкистадоры и крестоносцы, расплавленное золото песков Сирия, пустыньность морей, дикость утесов, звезды чьи пальмы, тишина заброшенных домов — темная старина, владеющая сердцем...» и чей-то дух — то в образе первобытного человека, то бесстрашного мореплавателя...».

Сомнений быть не может: это портрет и восторженная характеристика творчества Николая Гумилева.

И вот уже банальный и вечный рассказ о том, как женщина, одержимая бесовской страстью и отвергнутая, послала нового возлюбленного убитым отступником, принимает вид и характер версии печальной драмы, недавно разыгранной на русском литературном Олимпе: разрыв супружества двух знаменитых поэтов и скорая после этого трагическая гибель Гумилева. Ключевой становится прощальная сюжетная деталь: в обоих повествованиях посланец поначалу строитливо сопротивляется, но женщина ломает это сопротивление тезисом: «разве мало у мужчины средств, чтобы убить другого?».

Рупрехт в «Огненном ангеле» выбирает спровоцированную дуэль и проигрывает ее. Герой «Елизаветы...» рисковать не хочет и потому дуэль с непредсказуемым результатом отвергает, предпочитая иное средство — новейшее и беспримысленное — донос ВЧК, родство которой со святой инквизицией, естественно, не акцентировано в повести. По доносу о принадлежности к белому движению князь и поэт был расстрелян осенью 1920 года в качестве тайного агента Врангеля. Неустоявшаяся, отвергнутая, неутихающая Елизавета покончила с собой, выбросившись из окна его дома.

Такую романтизированную версию гибели поэта Гумилева в застенке ЧК предложил собрат-поэт если не дружелюбного круга, то из категории учеников, или правильнее было бы сказать — поклонников Гумилева, потому что назвать его учеником не позволяет его собственное поэтическое творчество.

О своей же приверженности миру творчества поэта Рунова (читай: Гумилева) автор повести устами рассказчика, носящего то же имя, что и князь, неоднократно намекает.

Имя Георгий символично для Гумилева, в некотором роде — это его знак с военных лет, когда он был на граждане двумя солдатскими «Георгиями» и считал «святого Георгия своим покровителем. Но и к «Огненному ангелу» оно тоже имеет отношение: героя-повествователя после долгой разлуки хозяйка нашла весьма похожим на святого Георгия на иконе.

«Елизавета...» — венок на безвестную могилу недавно погибшего, поэтическая версия его гибели и завуалированный вызов «одержимой Елизавете», которая омрачила жизнь поэта и не убергла от гибели.

Конечно, это — не донос потомкам на Ахматову как возможную виновницу гибели поэта, не маскированный обвинительный приговор, даже не реальное подозрение, наряженное сюжет чужого романа.

Юлия БАБИЧЕВА,
доктор филологических наук,
профессор Вологодского государственного педагогического института. (Специально для «45-й параллели»).

Повесть передает достаточно устойчивую в кругу друзей и учеников Гумилева тенденцию тайного недовольства Ахматовой, в чем-то — так считали, — перед его памятью виноватую. Не станем разбираться в тех ощущениях, указывая на одно из их воплощений — на давно забытую повесть, в которой сохранилась страдальческая тень загубленного поэта.

Ставрополь для меня — родной город. Здесь жили мои предки, здесь мой прадед со товарищами строил Кафедральный собор, здесь мои корни и сейчас. И хотя судьбе было угодно, чтобы я подолгу жил в других городах, — этот город, с его тополями и акациями, навсегда связан с моими детскими переживаниями, с моей жизнью.

Михаил ШЕКОТОВ.

Моя мама

Моя мама любит меня.
Ее любовь обжигает меня,
как пламя — статуэтку из глины.
Моя мама любит меня,
Любит одна она.
Для всех остальных
я имею цену,
для нее я бесценен.
Случись что со мной,
она все равно
не бросит меня одного.
Моя мама любит меня.
Ее любовь обжигает меня,
как пламя — статуэтку из глины.

Он молод, как и все дебютанты «Шанса». На этом, пожалуй, сходитво с поэтами, уже опубликованными стихами на 10-й странице, заканчивается. Михаил представляет себя сам. Для Шекотова — первый опыт публичной автобиографии.

ШАНС

Сейчас в Ставрополе живут мои бабушка и дедушка, мама и сестра. Когда бывал маленьким, каждое лето проводил у деда. Да и ныне четыре-пять раз в году бываю в Ставрополе.

Стих про пальму

Трудно пальмовый одолеть ствол,
Если ты не пальмовый краб-вор.
Забираясь по стволу к солнцу — там,
Где верхушка свет пьет,
Ты увидишь свой океан,
Так и пальма растит плод.
Каждый день ураган-враг,
Может сбросить тебя вниз.
О, my darling, remember please.
Трудно пальмовый одолеть ствол,
Если ты не пальмовый краб-вор.

Я благодарен провидению, что поэзия никогда и ни в коей мере не была для меня средством к существованию (я — биолог, закончил МГУ имени М. В. Ломоносова, живу в Москве, занимаюсь изучением поведения и «языка» дельфинов, защитил диссертацию).

Муравьи

Муравьи в изящных цилиндрах расставляют сети, у них такой обычай: утром они расставляют сети, а вечером считают добычу. У них в муравейнике такой обычай: к вечеру скрип запираемых дверей и звон цепей поднимаемых мостов. Они любят жен, у них такой обычай: ночью, пока чего не случилось, они любят жен. Утром едва-едва продрал глаза, они расставляют сети — у них такой обычай: когда один из них вздумал запеть, его изящно лишили цилиндра и бросили к муравьиному льву.

Работать довелось в Белом море, в акваториях Дальнего Востока, в Индийском океане. Вместе с товарищами готовлюсь возобновить экспедиции к Черному морю. Так что мир посмотрел.

Новый год на Маврикии

китайская речь раздаётся под розовой крышей,
коралловый желтый песок рассыпан повсюду,
креолки шагают по трупам белых мужчин,
француженки недоступны, однако за каждой неслышно скользит ее черная стройная тень,
белые спят на виллах, где малиновые цветы выцветают на солнце, ветер треплет их сны,
на белой пенистой кромке прибоя разбивается в пыль о ветки белых кораллов,
скажи мне, чем один человек отличается от другого
кроме цвета кожи, музыки слов,
кроме зрачков, бердящих душу,
нитка красных кораллов впивается в горло у некрисивых,
и спокойно лежит на смуглой груди у других — покрасивей,
красные мотыльки порхают над раковинами — черными, белыми и голубыми,
цветные пески, цветные пески — это мы

на нашей песчаной планете,
цветные пески — белый, желтый, коричневый, черный,
белые пишут на виллах книги о жизни, о вечной любви, днем на их виллах цветы незаметно теряют свои лепестки, стемнеет — креолы танцуют о вечной любви,
самые лучшие книги о ней написаны теми, кто не был любим, самые яркие краски тускнеют, лишь солнце коснется земли, день затихает, смолкает разноязычная речь,
узрчатый желтый смех под розовой крышей все тише,
цветные пески засыпают — мы вспоминаем наш белый снег.

8 января 1989

Дельфины очень сильные животные. А касатки — особенно. Но ведь не нападают, когда человек их поймает: касатки стремятся к контакту, общению. Что заставляет их не совершать насилия?!

Судя по окружающим меня таким очаровательным супружеским парам,
каждая жена — это как бомба, имеющая часовой механизм.
И никто не знает, когда произойдет взрыв.
В день бракосочетания, видно, кто-то

двигает рычажок, включающий скрытый в них часовой механизм. И если вовремя его не остановить, рано или поздно произойдет взрыв.

О дельфинах и вообще о животных мог бы говорить бесконечно. От социума человеческого — к иным сообществам и содружествам... Об этом стал задумываться еще в 8—9 классе, когда жил и учился в Ворошиловграде (слава Богу, теперь — Луганск).

Старая фотография

В те годы никто толком не умел сниматься: напряженная поза, почти испуганный взгляд и уж совсем по-театральному зажат в руке пистолет. Мой отец стоит в европейском лесу 45 года. Ему двадцать пять. Ему даже меньше, чем мне сейчас. А рядом стоит его, как он говорил мне, брат: та же напряженная поза, почти испуганный взгляд и уж совсем по-театральному зажат в руке пистолет. А за плечами у каждого по четыре года войны — самой тяжелой войны человеческой, самой последней войны человеческой, самой бесчеловечной войны. Почему-то мне эта фотография говорит о войне больше, чем целые киноленты.

Отцу на ней двадцать пять, он еще даже не был знаком с моей мамой. Много позже расскажет он мне о горящей Варшаве и об ужасе мертвых человеческих тел. Им повезет обоим, моему отцу и его другу: они дойдут до победы, они выживут в этой самой тяжелой войне человеческой, самой последней войне человеческой, самой бесчеловечной войне.

С самого начала мое отношение к поэзии — настороженное.... Первые строчки сложились только в 22—23 года.

Ее я однажды встретил в метро. Однако начну по-порядку. Жила-была девушка, у нее были изумительно длинные ноги. Ее я однажды встретил в метро. Справедливости ради надо сказать, что красивыми у нее были и глаза, и лицо. Я это заметил, поспешно ее приглашая в кино. Я стоял рядом с ней, с высоты ее ног пол показался мне так далек.

Я как будто стоял на краю, уже чуть влюбленный, над пропастью, на самом краю новой бесконечной любви... И один шаг мог уже быть роковым. И я сделал его. До чего восхитительным было паденье.

Круг любимых авторов? Мандельштам, Рильке, Гумилев, Лоуэлл...

каждая ослепительно красивая женщина в течение получаса лишает покоя столько мужчин сколько ей нужно в течение получаса они тщательно чистят ботинки и смотрят в зеркало на себя словно впервые в течение получаса они смотрят в зеркало на себя словно впервые и напрягают старательно мышцы ведь им нужно почувствовать себя уверенней в этой жизни если в этой стремительной жизни каждая ослепительно красивая женщина одной белоснежной улыбкой лишает покоя столько мужчин сколько ей нужно

Вот и все. До свидания, «45-я параллель». Чюрленису

Отрицание

День. Звон. Гудень Медных колоколов.

Их нет. Кипень Белых облаков. Их нет. И песнь слепцов, рожденная под птичьим небом. Ее уж нет. И свет ста солнц, согревших эту землю. Его уж нет.

От редакции. Напоминаем, что стихи, опубликованные в «Шансе», будут включены в отдельный сборник.

«Аквариум» приехал в Запорожье неожиданно сам для себя. «Почему не раньше, Борис?» — спросили Гребенщикова. «Да, Бог его знает, — ответил он. — У нас это первая гастроль за всю жизнь, когда мы десять дней подряд играем. Впервые. Никогда такого раньше не было».

Два полуторачасовых концерта при далеко не полном зале. Фаны заполнили пространство перед партером, скандировали, свистели, хлопали.

Не откажем Б. Г. в мудрости: быстрые, заводные песни смешались сольными, требующими тишины, вдумчивости, такими, как романсы Вертинского («Люблю декадентов, знаете, сам декадент. Ну, люблю я Вертинского, не знаю почему»). Когда «Аквариуму» хотелось танцевать, он танцевал, независимо от того, требовалось или нет поставить зал на уши. И все время со взмокших лиц не сходили улыбки. «Браво, Борис!» — орал после каждой песни какой-то чудесный горлопан.

Ближе к полночи на сцене запорожского ТЮЗа состоялась встреча музыкантов и поклонников.

И началась викторина. Вопрос — ответ, вопрос — ответ. Разумеется, Б. Г. в этой викторине победил... Для недоверчивых прилагаем стенограмму.

горящем пироге, такой большой пирог. И сказал: «Отныне вы будете называться «Аквариум», и над буквой «А» будет рисоваться кружочек». И улетел.

— Вы работали за границей над пластинкой. Там по-прежнему считают советский рок подрастающей моделью западного?

Б. Г.: — Там никто ничего не считает, я клянусь вам. Там никому ни до кого нет дела. А чего ради им должно быть дело? Пусть они покажут чего-нибудь хорошее, советские. А так, «Крузи» приезжает, ну, простите, там это видели.

— Бытует мнение, что американцы гораздо менее духовны, менее восприимчивы к поэзии. Вы готовы с этим поспорить?

Б. Г.: — К поэзии они менее восприимчивы. К духовности они стремятся, но стремятся по-своему. И сравнивать это я бы не решился. Они совсем другие, они не лучше и не хуже, они другие.

...И тут появился Б. Г. В зубах неременная беломорина; на плечах длинное и черное — то ли плащ, то ли халат; на ногах длинные черные ботинки в ансамбле с круглыми, чуть ли не ковбойскими сапогами. И следом — телохранитель...

БИС!

— Борис, правда ли, что «Аквариум» помог выпустить в восемьдесят втором Виктору Цою его первый магнитоальбом?

Б. Г.: — Я его продюсировал.

— А как складывались ваши отношения дальше?

Б. Г.: — Мы очень много выпивали.*

— Нам «дали холст и стену, в которую можно вбить гвоздь». И это замечательно. Но мы, кажется, так и не научились любить друг друга. Мы разобщены. Почему?

Б. Г.: — Понимаете, то же самое было и раньше. Почитайте переписку Блока, что он писал в одиннадцатом году. С тех пор ничего не изменилось. Хотя коммунисты и пришли к власти и, по-моему, уже уходят обратно, Россия какая была, такая она и есть. Тут серьезные причины. Любить друг друга политическая власть не научит. Нужно каждому работать с тем «материалом», который дан.

— Ваше присутствие в «Черной розе»... не кажется ли вам конъюнктурным немного? То есть не использует ли Соловьев вашу популярность в какой-то степени?

Б. Г.: — Да плевать. Он человек хороший.

— Почему группа называется «Аквариум»?

Б. Г.: — Мы все сидели в комнате. В комнату в окно влетел человек на

* Увы, мог ли Б. Г., отвечая на этот безобидный вопрос, предположить, что Виктор Цой уйдет от него, от нас — навсегда.

Б. Г.: — Все можно прощать. И нужно. Вы мне лучше ответьте на вопрос. Вот я уже в нескольких газетах прочитал, что, оказывается: «6 апреля 89-го года группа «Аквариум» прекратила свое существование». Мы, как, мы души? Или что? Мы уже не люди?

— А какой свет лучше: тот или этот?

Б. Г.: — Дело в том, что в принципе это зависит от того, что человек делал в течение жизни и как он умер. Потому что я сам не берусь утверждать что-либо наверняка, но люди, которым я в принципе доверяю, констатируют, что большинство душ проводят время по смерти в таком своеобразном сне, летаргическом. То есть они не воспринимают того, что происходит вокруг, и только потом уже, через несколько жизней, научившись, привыкнув к этому другому миру, они начинают постепенно в нем ориентироваться. Я сам таких воспоминаний прямых не имею, то есть я не так развит, чтобы помнить свои предыдущие рождения, я не знаю. Воспоминания какие-то есть, но за их точность отвечать я не берусь. Но так говорят... умные люди, которые как бы все помнят. Одно могу сказать, там мир не хуже, чем у нас. Другой немножко.

У меня есть два знакомых, которых реанимировали. Когда их реанимировали, они говорили: черт побери, опять эта жизнь.

— Какие у вас отношения с «митками»? Как вы к ним относитесь?

Б. Г.: — Со стилем жизненным, который теперь рекламируется, как митковщина: тельняшки, портвейн и все остальное... Я понимаю, Шура Славинский заслужил это право, он все-таки хороший художник, очень. Он может пить портвейн сколько ему заблагорассудится — это не мешает ему рисовать. И он, собственно, не так уж много пьет. А когда люди просто пьют, носят тельняшки и ничего больше не делают — это позор.

ВИКТОРИНА ДЛЯ

Б. Г.

Это мое отношение. А так там есть три-четыре очень талантливых человека, это сам Володя Шинкарев, Шура Славинский...

— Как вы относитесь к союзу русских писателей?

Б. Г.: — Их девки не любят; им всех на фонарях хочется вешать. Лига сексуальных реформ нужна. Будь они все сексуальными людьми, я отвечаю, у них не было бы национальных проблем.

— В каком составе вы сейчас играете?

Б. Г.: — Сергей Шураков — аккордеон, Сергей Березовой — бас, Слава Егоров — он делает звук и строит инструменты, Петя Трошенков, который очень просит, чтобы его звали Губерманом, девочкам понравится, наверное, хочет. Вот Андрей Романов прячется, выпил — и поэтому прячется, Володя Дьяконов — обеспечивает безопасность, Андрей Решетин — играет на скрипке, и Михаил Васильев.

— Что вы любите из еды?

Б. Г.: — Люблю китайскую кухню, но очень хорошую, картошку, соленые огурцы, селедку.

— А выпить?

Б. Г.: — Портвейна уже организм не позволяет. Коньяк. Виски люблю. Но хорошее виски. Шотландское.

— О чем бы вы хотели сказать в своих песнях?

Б. Г.: — Ну, как, ну все имеет связь с Богом, с молитвой, со всем остальным. И так вот словами это сказать сложно. Но, дай Бог, научимся.

— Чего нельзя прощать даже самым близким друзьям?

— Чего нельзя прощать даже самым близким друзьям?

Викторину придумал и провел журналист Владимир СЛАСТНОЙ.

ВНИМАНИЕ

Если наше издание было первой ласточкой, первым опытом Ставропольского краевого отделения СФК и Ассоциации содействия СФК по краю выпуска газетной продукции, то теперь мы с удовольствием поздравляем коллег с дебютом в книгоиздательской деятельности. Итак, спешите купить и, разумеется, прочесть два издания: «Твое здоровье в твоём саду» и книгу Бенджамина Спока «Ребенок и уход за ним».

«Твое здоровье в твоём саду» содержит множество полезных советов, связанных с целебными свойствами трав, растений, плодов, овощей. Ее авторы — С. Амилаханова и Ю. Дударь — делятся самыми разнообразными рецептами: как сохранить или восстановить здоровье, не прибегая к фармацевтическим средствам. Редактор этого полезного во всех смыслах издания — С. Лупенко, художественный редактор В. Каретко. Оформление книги осуществлено художником Н. Емельяненко, а техническое редактирование — В. Эйсмонт. Тираж новинки — 100 тысяч экземпляров, цена — 5 рублей.

Она появилась на свет благодаря усилиям многих людей — сотрудников Ассоциации содействия СФК по Ставропольскому краю, Ставропольского краевого комитета общества Красного Креста, нальчикского издательства «Эльбрус» и издательства «Ставропольская правда».

Школа выживания Яцека ПАЛЬКЕВИЧА: — «Верить в кого-то там наверху очень важно. Когда веры нет — человек маленький и беззащитный. Если человек попадает в критическую ситуацию, он начинает молиться и это дает ему силы».

Снимок с экрана телевизора Сергея РЯБЧЕНКО (Ставрополь).

Немало, образно говоря, соавторов и у книги, принадлежащей перу Бенджамина Спока. Назовем главных «виновников»: редактор Е. Панаско, художник В. Ненашев, технический редактор — Н. Чигина (Ба! Знакомые все лица!). Мудрые наставления американского доктора молодым родителям стали доступны русскоязычным читателям не без существенной помощи переводчицы Н. Перовой. На первых страницах есть выходные данные этого издания:

Советский фонд культуры, Ставропольское краевое отделение, Ставрополь, «Кавказская библиотека» 1990.

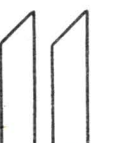
Кроме того, в реализации интересной задумки приняли участие коллективы владикавказского издательства «Ир» и издательско-полиграфического производственного объединения «Адыгея», расположенного в Майкопе. Часть тиража изготовлена по заказу Ставропольского краевого комитета общества Красного Креста. Весь же тираж составляет 100 тысяч экземпляров. Стоимость новинки, которая, без сомнения, должна стать настольной книгой молодых родителей, 10 рублей.

И последнее. Ассоциация напоминает: за счет прибыли от издательской деятельности будут приняты — и уже предпринимаются! — широкие акции, направленные на подъем культуры в крае, строительство и комплектование библиотек, организацию научно-исследовательской работы, связанной с изучением истории Ставрополья и всего Северного Кавказа; учреждены стипендии учащимся, студентам, молодым литераторам, музыкантам, художникам.

КНИГОЛЮБЫ «45».

Большой читательский отклик вызвал снимок, помещенный в предыдущем выпуске «45», — «Солнышко». К сожалению, мы не указали его автора. Им является житель Ставрополья, член фотоклуба «Стрижамент» — Валентин Ульяновкин.

ВНИМАНИЕ

ЭТОТ номер газеты «Эль Панс» я купил в Торремолиносе, когда мы с товарищами вышли из отеля и беспечной походкой отпускников отправились на Коста дель Сол — Солнечное побережье Средиземного моря. Лежа на теплом песочке и расслабленно позевывая, я развернул «Эль Панс». Долго рассматривал иллюстрации, фотографии, рекламу, мельком прочитывал броские заголовки статей. И вдруг...

«Бомба средней мощности взорвалась вчера в отеле города Фуэнгирола (провинция Малага). Причинен большой материальный ущерб помещениям, расположенным на первом этаже здания. За два часа до того как сработал взрывной механизм, в отель позвонил неизвестный, представившийся членом террористической организации ЭТА Милитар, и предупредил о подготовленной акции. Благодаря этому удалось своевременно освободить отель от проживающих.

Это уже второй взрыв, происшедший на нынешней неделе на Солнечном побережье. ЭТА Милитар заявила о своем решении провести серию актов в туристической зоне Средиземноморья. Первый взрыв раздался во вторник в отеле «Сервантес» в городе Торремолиносе.

И вот вторая бомба. Она взорвалась в 19.50 на первом этаже отеля «Иммерас» рядом со столовой и кабинетами администрации. Приблизительно 500 человек в панике стояли у входа в отель. Затем полиция пропустила на место происшествия журналистов и фоторепортеров, но в то же самое время отказалась сообщить им о подробностях взрыва.

В тот же день через еженедельник «Эпн» ЭТА заявила об установке бомбы в отеле «Мелия» в Торремолиносе. Однако это взрывное устройство было найдено полицией во время обследования помещений гостиницы...

Прочитал эту информацию, и мороз по коже пробежал. Ну и дела! Вот так, ни за что, ни про что подорвешься на mine и отравившись в бессрочный «отпуск». Дело в том, что отель «Мелия» расположен через до-

рогу от гостиницы, в которой расположилась наша туристическая группа, скомплектованная полностью из ставропольцев. Ну чего стоило террористам пересечь узенькую улочку этого уютного средиземноморского городка и подложить бомбу, скажем, в моем номере?!

...Когда наш автобус еще катил по улицам Мадрида, на многих стенах домов я заметил все время повторяющуюся надпись «Альфа-66», означавшую, как пояснил мне гид, название террористической организации. Мне показалось это всего лишь любопытной деталью, одной из достопримечательностей Испании — все равно, что памятник Сервантесу или музей Эль Прадо. А тут, в Торремолиносе, где террористическая акция приобрела вполне реальные очертания, я почувствовал себя, мягко говоря, неудобно. И когда на следующее утро мы покидали этот туристический город и наш автобус уже приближался к другому соседнему городку — Фуэнгироле, — мы увидели на автостраде полицейские патрули с автоматами наизготове, а в полутора километрах от берега — сторожевой катер. У меня сложилось впечатление, что вокруг идет какая-то странная война: в небе — яркое испанское солнце, справа — лазурное, сверкающее Средиземное море, на пляже — расслабленные загорающие тела, вокруг — красочная, зазывающая реклама, музыка... и тут же — полиция, автоматы, взрывы, разрушения, смерть.

В Гранаде снова купил в киоске «Эль Панс». Мое внимание привлекло сообщение: «Пьер Балдес, член Антитеррористической группы освобождения, обвиняющийся в убийстве французского студента Бена Пекастайна и нанесении тяжелых ранений трем другим молодым людям, полностью отказался вчера от обвинений, которые были предъявлены ему во время судебного процесса в городе Пау (Франция). Несмотря на то, что многочисленные свидетели по этому делу прямо в лицо заявили о его виновности, Балдес придерживался одних и тех же показаний: заявлял категорическое «нет» всем обвинителям.

Член Антитеррористической группы прежде всего заявил, что не видел ни одного из привлеченных на суд свидетелей во время убийства молодого Бена Пекастайна в баре «Пириней» в Байоне в марте 1985 года. Тогда неизвестный мужчина неожиданно начал стрелять в посетителей бара, а затем скрылся.

Помимо убийства, Пьер Балдес обвиняется в незаконном ношении оружия. Однако среди вещественных доказательств, предъявленных суду, имеется пуля, якобы выпущенная из пистолета Пьера Балдеса...

Сумасшедшая страна! Террористы взрывают отели, антитеррористы, призванные бороться с ними, тоже убивают людей. К этому примешиваются акции, совершаемые иностранными террористами, которые преследуют какие-то свои цели. В одной из газет я прочитал о террористе из Ливии, страны, вступившей в конфликт с Соединенными Штатами Америки. Этот ливиец взорвал отель (там же, на Солнечном побережье Средиземноморья), в котором проживала в тот момент национальная сборная команда США по баскетболу, прибывшая на чемпионат мира.

...Два года спустя, когда уже и у нас в стране стали возникать конфликты на национальной почве, мне снова довелось побывать в Испании. Открываю свою любимую «Эль Панс» — и снова:

«Во время операции, проведенной во вторник в Байоне, французская полиция задержала трех женщин, поддерживающих тесные контакты с ЭТА Милитар. У них было изъято 725 миллионов песет. Кроме того, в Бильбао и Басаури возникли четыре перестрелки, во время которых жертвы не зарегистрированы... Все задержанные находятся под охраной полицейского отряда в Гендае (провинция Французская Баскония). Возможно, что сегодня они будут переправлены в Париж, чтобы предстать перед следственными органами по делам терроризма...»

В этот приезд в Испанию террористическая война уже не казалась мне такой уж странной. Дело в том, что,

На снимках из газеты «Эль Панс»: Боннг 737 компании «... взорванный террористами.

полюбив эту страну, ее народ, я стал больше интересоваться историей и современной жизнью Испании. Увидел очень много похожего на то, что происходило и происходит в Советском Союзе. Действительно, чрезвычайно много параллелей в общественной, экономической и политической реальности двух стран. На территории Испании пор сосуществовали кастильская, баскско-наваррская, баскско-наваррская народности со языками, особыми административными статуатами, финансовыми привилегиями (так

«Риск — наше занятие, и все же мы попадаем иногда в ситуацию, когда желание изо всех сил «дать деру» очень велико. Часто удается выйти из переделки невредимой только благодаря тому, что ты — женщина».

СЫЩИКИ НА ШПИЛЬКАХ

Молодые, красивые, в элегантных костюмах, они скорее похожи на манекенщиц, чем на сотрудниц единственного в своем роде частного детективного бюро в ТУРИНЕ. Эти итальянки занимаются сыском в самых разных его проявлениях, и ничто не пугает их. Наоборот, как показывает практика, их профессиональная деятельность зачастую даже предпочтительнее, чем работа их коллег-мужчин.

Все думают, что в Италии всегда тепло. Но в эти дни в Турине холодно. И еще холоднее в помещении бюро «Холмс Инвестиациони». Облокотившись на этажерку, полную архивных папок и пожелтевших досье, его директор Милена Коста греет руки о чашечку кофе: «Я мечтаю о летнем солнце. В 70-е, когда ревность была обязательным элементом итальянской любви, с наступлением первых теплых дней приходилось рыскать по пляжам Ривьеры. Клиенты платили нам за то, что мы сможем доказать предполагаемую измену жен». Но «развод по-итальянски» или, точнее, брак как инстиция уже не имеет прежней тягостной строгости. Мужчины учатся доверию, и заданий, связанных с наблюдением за внебрачными связями, становится все меньше.

В бюро — 15 женщин. Их работа серьезна и опасна. «Риск — наше занятие, — вступает в разговор компаньонка Милены Линда Чамино. — И все же мы попадаем иногда в ситуации, когда желание изо всех сил «дать деру» очень велико. Часто удается выйти из переделки невредимой только благодаря тому, что ты — женщина, и немногим приходит на ум, что можешь заниматься детективным делом».

Однажды в бюро «Холмс» по поводу индустриального шпионажа решил обратиться президент одного крупного предприятия. Он зашел, увидел в приемном холле пятерых женщин и спросил: «А что, тут других нет?» Ему и невдомек было, что пол, как правило, облегчает выполнение их сыскной задачи. Для человека, который постоянно начеку, два че-

ловека в автомобиле представляют реальную опасность. А если он видит двух девушек, он спокоен. О чем они могут думать и говорить, кроме как о моде и сердечных проблемах? Легче довериться женщине. Скажем, мать, у которой возникла неприятность со взрос-

миске, скажем, наркотики... В результате облегчается ход всего расследования. Милена и ее коллеги знают, что их роль ограничивается сбором информации, они не имеют права вмешиваться в семейные истории или любовные драмы. В области социальной сферы их деятель-

ность сводится к поиску исчезнувших стариков, убежавших из дому детей, но и эта небольшая роль, которую они играют в подобных ситуациях, не оставляет их безразличными.

— Больше всего переживаешь, когда занимаешься делом, связанным с усыновленными детьми, — рассказывает Линда. — Может быть, не стоило бы об этом говорить, поскольку этот вид нашей деятельности выходит за рамки закона. Часто к нам приходят женщины, когда-то отказавшиеся от своего ребенка и теперь желающие найти его. Происходит и обратное — усыновленные дети обращаются к нам с просьбой о помощи в поиске своих настоящих родителей. Когда нам удается обнаружить

да нарушают правила. Милена говорит, что их профессия даже не признается законом:

— Если придерживаться установленного порядка целиком, то мы не имеем права ни следить за кем-либо, ни расспрашивать разных людей, ни делать снимки. Нам оставляют лишь возможность работы в четырех стенах с досье и архивами (они, конечно, занимают большое место в детективном деле). Мои сотрудницы приходят к нам из полиции, хотя иногда случается и обратное: девушка, немного поработав в нашем частном бюро, идет в полицейскую школу, выбирая более официальную и спокойную карьеру.

Все женщины, работающие в «Холмс», незамужем.

«Как можно удержать возле себя мужчину долгое время, если мы непрестанно в движении? Более того, мы отдаем своей профессии все силы, она дает нам возможность реализовать свою любовь к приключениям. А это стоит остального». В этом детективы на высоких каблуках абсолютно единомысленны. А ведь их рабочий день иногда растягивается до 17 часов в сутки.

— Даже когда мы раскрываем сложнейшие случаи контршпионажа, наши усилия остаются в тени, — заканчивает Линда. — Но у нашего бюро большое будущее. Ведь предстоит реформа итальянского уголовного кодекса, и в силу войдут новые юридические процедуры, способствующие борьбе с преступностью. Тогда частные детективные агентства смогут представить собственные доказательства, снимки, записи, будут иметь полное право свидетельства на суде. Как в американских фильмах.

Специально для «45 параллель» по материалам «Жур де Франс» публикацию подготовила

Диана НЕРСЕЦОВА (Краснодар).

АННЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

ВЫИИИИ

мыми «фуэрос»). Позднее каталонцы, баски и галисийцы были лишены почти всех привилегий, подчинены Мадриду. Официальное признание получила только одна — кастильская. Так в Испании возникла национальная проблема.

На протяжении почти 40 лет франкистской диктатуры любые проявления национального чувства каталонцев, басков, галисийцев рассматривались как преступление и жестоко карались. Официальное делопроизводство и обучение велось только на кастильском (собственно испанском) языке. Власть запрещала вывешивать каталонский (сеньера) и баскский (икуринья) флаги, танцевать национальные танцы. Национальную проблему объявили несуществующей, решенной.

В послефранкистской Испании национально-региональная проблема заняла одно из важнейших мест. Правительству А. Суареса, взявшему курс на установление буржуазно-демократических порядков, пришлось признать право национальных меньшинств на автономию. И первое время процесс автономизации развивался довольно быстро. Если раньше самоуправление добивались прежде всего Каталония, Страна Басков, Галисия, а также (хотя и в меньшей степени) такие области, как Андалузия, Эстремадура, Канарские и Балеарские острова, то теперь с подобными претензиями выступили даже жители ядра Испании — Кастилии, которая всегда была носителем жестких центристских тенденций. Более того, столичные комитеты коммунистической и социалистической партий поставили вопрос о предоставлении автономии провинции Мадрид, и это предложение было принято.

Процесс автономизации вызвал острую политическую борьбу в стране, против него ополчились, хотя и по разным причинам, и право- и левозастремистские партии и организации. Чем дальше шло развитие автономистского процесса, тем сильнее становилось противодействие со стороны правого крыла правящей в то время партии Союз демократическо-

го центра, которое нашло поддержку у первого послефранкистского премьер-министра А. Суареса. Он согласился предоставить полную автономию Каталонии и Басконии, а права остальных урезать. Это вызвало резкие протесты.

Спротивление правых сил процессу автономизации было не единственной угрозой, нависшей над этим процессом. Не меньшую опасность представляла угроза со стороны баскской террористической организации ЭТА (Страна Басков и Свобода), требующей полного отделения Басконии от Испании и создания баскского государства, включающего как испанские, так и французские территории, населенные басками. Особенно непримиримую позицию занимает военная фракция — ЭТА Милитар.

В начале автономизации сепаратисты и другие экстремисты составляли в Испании ничтожное меньшинство. Парламентские выборы 1979 года продемонстрировали значительное усиление национализма. Представители национальных региональных партий вошли в состав правительства Страны Басков и стали делать «свою погоду». В священном городе басков Гернике был принят окончательный вариант статута Басконии: равенство кастильского и баскского языков, создание местных полицейских формирований и постепенный вывод с территории Басконии испанских воинских частей.

И все же напряженность в Стране Басков не ослабевает. Масштабами полученной автономии недовольны почти все националисты. Тогда как самая авторитетная и крупная Баскская националистическая партия и ее союзники считают, что нужно принять автономию, данную Мадридом, и на ее основе вести дальнейшую борьбу за более широкие автономные права, националисты-экстремисты из военной фракции ЭТА и «Эрри Батасуна» (Народное единство) стоят за полный отказ от поэтапной автономии, от всего, «выкованного в мадридской кузнице», и призывают к вооруженной борьбе за независимость.

Вот эта вооруженная борьба и выливается на улицы испанских городов и сел, с этой борьбой и пришлось столкнуться ставропольцам во время туристических экскурсий по Пиринейскому полуострову.

«Эль Паис»: «Бильбао, 26 апреля. Делегации Баскской националистической партии (БНП) и «Эрри Батасуна» намерены провести сегодня в Дуринго (Бискайя) второе собрание, посвященное вопросам терроризма и, в частности, последней акции, которая проведена 25 апреля в Баргара. Первая встреча проходила незадолго до того как автомобиль, начиненный взрывчаткой, прервал жизнь пятерых агентов гвардии сивиль.

Предполагается, что во время переговоров двух националистических партий речь будет идти о согласовании политических программ и практических действий. Специалисты считают, что ничего серьезного в результате этой беседы не получится. Это просто-напросто вызов правительству, чтобы под видом созданной коалиции выторговать у государства очередные свободы, заложенные в программном документе, принятом в городе Гернике.

Вчера в Басконии состоялся митинг, организованный региональной партией социалистов, которые выступили против диалога БНП и «Эрри Батасуна». Секретарь баскских националистов Рикардо Гарсия Дамборенеа заявил:

— Я не могу приветствовать пособников терроризма той самой рукой, которой недавно утешал отца и вдову одного из погибших по вине ЭТА...

Как видим, нелегко идет процесс демократизации в послефранкистской Испании. Немало ошибок допускает и само правительство, попадая под влияние консервативных сил. Но нечто подобное уже назревает и у нас в стране. Так, может быть, на ошибках других мы сможем хоть чему-нибудь научиться?

Михаил МЕЛЬНИКОВ.

«Тот самый Калугин». Фотосъемка с телеэкрана для «45» Сергея РЯБЧЕНКО (Ставрополь).

ПЬЯНЫЕ ЗА РУЛЕМ

«А ну дыхни!» — этот призыв хорошо известен отечественным автомобилистам. Особенно водителям автотранспорта, которых перед выездом на линию проверяют специальные медработники. Для всех прочих «врагам» в этом деле являются сотрудники ГАИ — у нас, полицейские — за рубежом.

Судья в Калифорнии (США) имеет богатый выбор наказаний для водителя, пойманного за рулем в состоянии опьянения. Но, помимо наказания (штраф различного размера, заключение, лишение прав), есть еще один обязательный пункт «программы». Прощтрафившегося водителя отправляют в морг судмедэкспертизы, где заставляют смотреть на то, что осталось от жертв дорожно-транспортных происшествий. Прекрасная возможность задуматься о собственном легкомыслии.

Все это не идет ни в какое сравнение с судьбой одного ньюйоркца. Он уже был судим, отбыл небольшой срок к тому моменту, когда его задержала дорожная полиция. По американским законам он тем самым перешел в разряд рецидивистов и получил за поездку «под газом» пятнадцать лет тюрьмы.

Для сравнения скажем, что в СССР пьяный водитель тоже может получить срок до десяти лет. Вся разница в том, что он для этого должен кого-нибудь еще и задавить.

Соединенные Штаты — далеко не единственная страна, где любителям прокатиться «под газом» живется неуютно. В Турции, например, пьяный водитель оказывается за решеткой через четверть часа после задержания, не нужно даже решения суда. В некоторых странах Африки при наличии человеческой жертвы водителя без лишних разговоров линчуют (особенно если он белый). В Японии управление автомобилем в состоянии опьянения рассматривается как про-

явление умственного расстройства. Таких водителей отправляют в специальное тюремно-психиатрическое заведение, где они проходят курс психотерапии, включающий просмотр фильмов о наиболее кровавых дорожных катастрофах. Конечной целью курса заключения-лечения является выработка стойкого рефлекса: езда в нетрезвом виде обязательно ведет к гибели.

В Европе автомобили появились раньше всего, и езда в состоянии опьянения категорично была признана преступлением. Первый подобный закон был принят в Швеции еще в 1920 году, когда автомобиль еще был редкостью. Как правило, нарушителей здесь сажают и штрафуют. В Дании, если в крови водителя восемь десятых промилле алкоголя, он выплачивает штраф, равный половине средней месячной зарплаты. Швейцария — это страна-чемпион по штрафам, максимальный в пересчете на доллары составляет двадцать пять тысяч. В Великобритании — четыре тысячи, в ФРГ — восемьсот долларов, в Испании — 160, в Италии — 80. Сроки заключения также варьируются от трех месяцев в Бельгии до трех лет в Швейцарии.

Во Франции сроки заключения составляют от двух месяцев до двух лет, штраф до пяти тысяч долларов. Если в результате пьяной езды произошло дорожно-транспортное происшествие, наказание будет удвоено. И все же французские юристы недовольны. «Наши законы суровы, но далеко не всегда соблюдаются буквально», — так говорит судья Клод Максим Бертран. И приводит в пример ФРГ, где во время ежегодного Праздника пива дорожная полиция устроила на всех дорогах «засады» и проверяла всех водителей. Многие, естественно, злоупотребили пивом. Штрафовали всех, а если кто-то не мог сразу заплатить полторы тысячи марок штрафа, то в заклад брали саму машину.

(PRZEKROJ).

В эту пору 100 лет назад в Ставрополе выходила всего одна газета «Ставропольские губернские ведомости». Ежедневно — по субботам. Состояла она из официальной и неофициальной частей. В таком порядке мы и предлагаем вам сегодня выдержки из сентябрьских номеров.

Городовому 1-й полицейской части гор. Ставрополя Никите Аксенову были даны крестьянином сел. Вознесенского, Ставропольской губернии, Зиновием Иосифовым Горшашем, задержанным за сбыт краденых лошадей, десять рублей во взятку за то, чтобы он освободил последнего из-под ареста. Деньги эти Аксенов представил, вместе с крестьянином Горшашем, пристапу 1-й части, который препроводил означенную сумму, по принадлежности, в Ставропольский приказ общественного призрения.

Получив об этом донесение полицеймейстера от 20 августа с. г. за № 8008 и находя бескорыстие городского Аксенова, проявленное в означенном выше деле, заслуживающем особого внимания, я объявляю этому городовому мою благодарность.

Губернатор, генерал-майор.

По распределению Военного Министерства, из общего по Империи контингента новобранцев на сей год назначено со Ставропольской губернии — 1840 человек.

Бухара. Среди местного русского населения произвела отрядное впечатление новая мера начальника Туркестанского края относительно сношений с бухарским правительством: обычай поднесения Бухарским эмиром подарков всем принимаемым им русским, упорно соблюдавшийся до сих пор бухарцами, лишен своей прежней обязательности и сохранен лишь для исключительно важных случаев. На днях русский политический агент Лессар, а сегодня генерал Анненков имели свидания с эмиром, которые не сопровождались поднесением подарков. На бухарское население это не произвело никакого дурного впечатления.

Подготовила Элла ГЛУХОВЦЕВА (Ставрополь).

СССР. Издания «45», как нам пишут, известны уже за пределами края, а также в США. Недавно комитенты «45» доставили часть тиража в Ростов. Оказалось, что и здесь ежемесячник не в новинку! Им довольно бойко торгуют. По каким каналам издания «45» попадают в этот город, выяснить пока не удалось. Однако известно, что подобным же образом, вдобавок по значительно завышенной против номинала цене, изданием Ставропольского отделения Советского Фонда культуры торгуют и в Краснодаре...

США. Две специально обученные собаки, работающие в службе по борьбе с наркотиками тexasского города Мак Ален, стали поистине грозой контрабандистов. За год они обнаружили наркотиков на сумму 130 миллионов долларов. Мафия внесла собак в черный список, а тому, кто их убьет, обещана награда в 30 тысяч долларов.

Франция. Полиция одного из департаментов обнаружила широкую сеть похитителей домашних собак. Судя по данным следствия, банда действовала на протяжении 10 лет. За это время было украдено и перепродано около 6 тысяч собак. Большинство животных было отправлено затем в лаборатории для проведения над ними каких-то опытов.

Преступников обнаружили случайно: наполненный собаками фургон попал в аварию. Однако до сих пор остается неизвестно, кто же «клиенты» корпорации воров, кому и для каких целей понадобилось столько подопытных животных. История получила широкую огласку в известной степени из-за того, что среди жертв похитителей оказалась и кинозвезда, поклонница животного мира, Б. Бардо.

Пресс-служба «45».

ВЫИИИИ

В

45-я параллель

Прошлой осенью впервые в СССР была показана ретроспектива этих «ужасных» фильмов... Хичкок отбирал для своих кинолент действительно первоклассные произведения. А в свою антологию рассказов-ужасов «Альфред Хичкок представляет», вышедшую в лондонском издательстве «ПАН», сэр Альфред включил вещи, которые по разным причинам невозможно было экранизировать.

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

15-я параллель

Пока служащие музея восковых фигур Марринера выпроваживали последних посетителей, управляющий в своем кабинете расспрашивал Раймонда Хьюсона.

Управляющий был моложавым, крепко сбитым блондином среднего роста. Он обладал искусством носить костюм и выглядел чрезвычайно элегантно. Что касается Раймонда Хьюсона, то его костюм, все еще тщательно вычищенный и выглаженный, носил на себе следы явного поражения хозяина в жизненной борьбе. Хьюсон был мал, худ, бледен, с редкой каштановой шевелюрой, и хотя говорил он убедительно, в нем чувствовался неудачник. Он выглядел тем, чем и являлся в действительности: незаурядный человек, потерпевший жизненное крушение вследствие неуверенности в себе.

Говорил управляющий:

— В вашей просьбе нет ничего нового. Чаще всего мы отказываем в подобных просьбах раза три в неделю — в основном молодым повесам — любителям заключать пари. Мы ничего не приобретаем, а, напротив, даже теряем, позволяя людям провести ночь в Камере Убийц. Если я дам свое разрешение и какой-нибудь молодой идиот потеряет разум, что прикажете мне делать тогда? Но то, что вы журналист, меняет дело.

Хьюсон улыбнулся:

— Вы хотите сказать, что журналистам нечего терять?

— Нет-нет, — рассмеялся управляющий. — Я хочу сказать, что их принято считать людьми благоразумными. К тому же нам это выгодно — реклама.

— Именно! Думаю, мы можем прийти к соглашению.

Управляющий опять рассмеялся.

— О! Понимаю: вы хотите получить двойную плату. Много лет назад мадам Тюссо обещала выплатить 100 фунтов тому, кто отважится провести ночь в Комнате Ужасов. Надеюсь, вы не думаете, что мы последуем примеру мадам Тюссо? Э-э-э... в какой газете работаете, м-р Хьюсон?

— В настоящее время я свободный художник, работаю для нескольких газет, поэтому затруднений с публикацией не будет. «Морнинг Эко» не откажется от сенсации: «Ночь с убийцами Марринера». Да ни одна газета не откажется!

Управляющий в раздумье потер подбородок.

— Что ж. И как вы собираетесь подать материал?

— С изрядной долей мрачности, конечно, но и не без юмора.

Управляющий кивнул и предложил Хьюсону сигарету.

— Очень хорошо, м-р Хьюсон. Как только появится публикация в «Морнинг Эко», потрудитесь зайти к нам и забрать пятифунтовую банкноту. Но в первую очередь хочу напомнить: дело, которое вы предпринимаете, совсем не простое. Мне хотелось бы быть уверенным в вас и хотелось бы, чтобы вы были уверены в себе. Признаюсь, что, хотя я и видел экспонаты одетыми и раздетыми, знаю процесс их изготовления, могу провести некоторое время в их теплой компании, но я никогда не решился бы заснуть там один, среди них.

— Почему?

— Не знаю. Причины как будто нет. Я не верю в привидения. Если бы я верил, то предположил бы, что они посещают место преступления или местонахождение их тел, а совсем не подвал, где хранятся их восковые муляжи. И все-таки я не могу сидеть один среди них всю ночь, когда не в состоянии избавиться от ощущения, что они устали на тебя. В конце концов, они — подонки человеческого общества, и, хотя никогда не признаюсь в этом публично, люди, которые приходят поглазеть на них, вряд ли руководствуются высокими мотивами... Вся атмосфера очень неприятна и, если вы способны чувствовать атмосферу, предупреждаю: вам предстоит очень нелегкая ночь.

Хьюсон знал это с той самой минуты, когда его впервые посетила эта идея. Душа заняла от такой перспективы, хотя улыбка и не покидала его лица... Но... жена, ребенок... и обязанность содержать семью... В последний месяц заработка его были мизерны, сбережения таяли... появились долги. Он не мог упустить такой шанс — большая статья в газете плюс пять фунтов. Это означало роскошную жизнь в течение недели и еще двухнедельное безбедное существование. Кроме того, напиши он статью хорошо, может последовать предложение о постоянной работе.

— Жизнь журналиста полна опасностей, — ответил Хьюсон. — Я готов к неприятной ночи: ваша Камера Убийц совсем не комфортабельная спальня. Но не думаю, что ваши восковые фигуры причинят мне много беспокойства.

— Вы не суеверны?

— Ничуть, — рассмеялся журналист.

— Но у журналистов богатое воображение.

— Редакторы, с которыми мне приходилось сталкиваться, жаловались на полное отсутствие воображения у меня. Читатели не любят одни только факты, поэтому газеты стараются не предлагать им хлеб без масла.

Управляющий улыбнулся и поднялся:

— Точно. Думаю, последние посетители уже ушли. Подождите минутку, я распоряжусь не драпировать фигуры внизу и предупреджу сторожей, что вы проведете ночь здесь. Потом мы спустимся вниз, и я покажу вам музей.

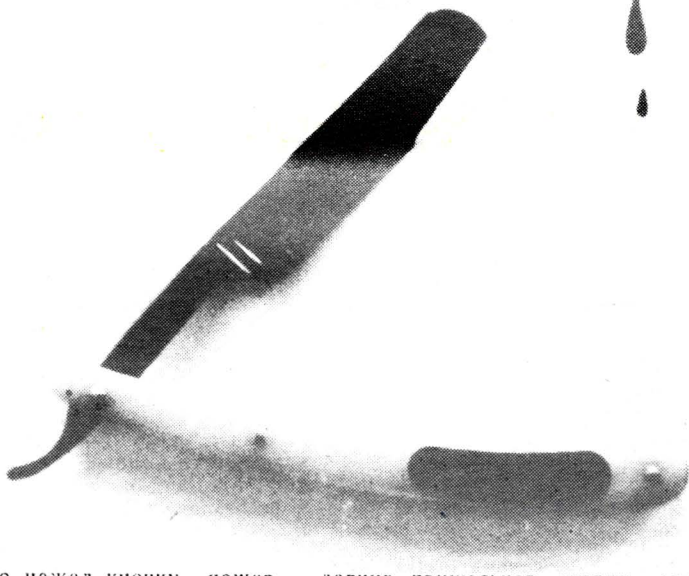
Он взял трубку телефона внутренней связи, отдал распоряжения и положил ее на рычаг.

— Боюсь, одно условие все же придется поставить: у нас не курят. Се-

Восковые убийцы стояли на низких пьедесталах с номерками, прикрепленными к ногам. Не зная, кто они, можно было принять их за скучную серую толпу, окружавшую вас повсюду, главным образом замечательную поношенностью одежды, свидетельствующей о перемене моды даже в среде людей, не следящих за модой. Недавние знаменитости плечом к плечу стояли с давними «фаворитами». Гертелл, убийца из Вейра, застыл в приветственном, казалось, жесте молодому Байуотерсу. Там был и Лефрой, полусумасшедший сноб, убивавший из страсти к деньгам и мечтавший стать джентльменом. В пяти ярдах от него сидела миссис Томсон, романтическая эротоманка из категории британских матрон среднего класса, Чарльз Пис, единственный член этой недоброй компании, выглядящий настоящим злодеем. Брауни и Кеннеди, из не-

всегда одним способом — лезвием. После своего последнего убийства он оставил след, наведший на него полицию. Одна ниточка потянула за собой другую, и вскоре они поняли, что охотятся за парижским собратом английского Джека-потрошителя. В руках у них была по меньшей мере дюжина дел, по которым они могли посадить его в сумасшедший дом или отправить на гильотину. Но даже тогда этот тип оказался умнее полиции. Как только почуял, что наручники вот-вот готовы зашелкнуться на запястьях, он таинственно исчез, и с тех пор полиция всех цивилизованных государств ищет его. Нет сомнения, что он покончил с собой, но тело найти не удалось. После его исчезновения зарегистрировали партию убийств такого же характера, но поскольку в его смерти были почти уверены, эксперты решили, что это дело рук имитатора. Странно, не

МУЗЕЙ ВОСКОВЫХ ФИГУР

А. М. БЕРИДЖ

годня кто-то нажал кнопку пожарной тревоги в Камере Убийц, причем мы так и не установили, кто это сделал. К счастью, посетителей было мало, иначе возникла бы паника. Вы готовы? Пойдемте.

Хьюсон последовал за управляющим через добрый десяток комнат, где служители торопливо драпировали на ночь королей и королев Англии, генералов и государственных мужей разных эпох, всех представителей человечества, удостоившихся бессмертия подобного рода. Один раз управляющий остановился и распорядился насчет кресла в Камере Убийц.

— Это лучшее, что мы можем вам предложить, — обратился он к Хьюсону, — надеюсь, вам удастся заснуть.

Он начал спускаться по плохо освещенным каменным ступеням, которые зловеще напоминали спуск в темницу. В проходной нижней комнате экспонировались предварительные ужасы: орудия инквизиции, к примеру, дыба из средневекового замка, тиски для пальцев, раскаленное железо для клеймения, другие напоминания проявленной жестокости одного человеческого существа к другому. За проходной находилась Камера Убийц. Она представляла собой неправильной формы помещение со скошенным потолком и тусклым освещением. Чувствовалось намеренное желание создать зловещее неприятное помещение, сама атмосфера которого побуждала посетителя говорить шепотом. Что-то от часовни ощущалось в ней, часовни, где жалость и милосердие уступили место чему-то низкому и недостоинному.

давних пришельцев, стояли между миссис Дайер и Патриком Махоном.

Управляющий знакомил Хьюсона с несколькими самыми интересными образчиками этой дьявольской стаи:

— Это — Криппен, вы, конечно, узнали его. Незаметный тип, по виду и червяка не обидит. Это — Армстронг: приличный, безобидный сельский джентльмен. Там стоит старик Ваке, его ни с кем не спутаешь из-за бороды. И вот...

— Кто это? — перебил его Хьюсон.

— Я как раз и собирался подойти к нему, — сказал управляющий слегка изменившимся голосом, — подойдите-ка и присмотритесь. Это наша звезда, единственный из всей компании избежал виселицы.

Фигура, привлекавшая внимание Хьюсона, представляла собой низенького худого человека ростом не более пяти футов. Он был усам, в очках, в пальто с капюшоном. В нем было нечто настолько преувеличенно французское, что напоминало Хьюсону карикатуру. Он сразу не смог определить, что в этом лице с мягким выражением было таким отталкивающим. Хьюсон почувствовал, что даже в присутствии управляющего ему стоило большого труда взглянуть на фигуру еще раз.

— Но кто же он?

— Доктор Бурдетт, — последовал ответ.

Хьюсон слышал имя, но не смог вспомнить, в какой именно связи.

— Будь вы французом, наверняка бы помнили: несколько лет этот человек терроризировал весь Париж. Днем он лечил, ночью резал глотки — по настроению. Убивал он только из дьявольского удовольствия и

правда ли, что каждый знаменитый убийца имеет подражателей.

Хьюсон содрогнулся:

— Мне он совсем не нравится. Б-р-р! Что за глаза!

— Да, это наш маленький шедевр. Чувствуете, как взгляд вливается в вас? Это настоящий реализм, потому что Бурдетт практиковал месмеризм и, по слухам, сначала гипнотизировал жертву. Конечно, без гипноза он, такой коротышка, вряд ли смог убить столько людей. На месте преступления не было никаких следов борьбы.

— Мне показалось, что он шевельнулся, — хрипло проговорил Хьюсон. Управляющий улыбнулся.

— Боюсь, до конца этой ночи вы не раз станете жертвой зрительного обмана. Не забирайте дверей. Если станете невмоготу, поднимитесь наверх к ночным сторожам. Не пугайтесь, если услышите, как кто-то ходит. К сожалению, я больше не могу осветить помещение: по вполне понятным причинам мы стараемся сделать его возможно мрачнее. А теперь поднимемся ко мне наверх и опорожним по рюмочке перед вашим ночным бдением.

Один из ночных дежурных, принесших кресло для журналиста, был насмешливым педантом.

— Куда поставить кресло, сэр? — осведомился он, ухмыляясь. — Сюда? Чтобы вы могли перебраться с лавочкой с Криппеном, когда надоест молчать? Или сюда? Матушка Дайер строит глазки, она не прочь составить вам компанию. Садитесь здесь, сэр.

Хьюсон улыбнулся. Болтовня служителя нравилась ему, создавая атмосферу обыденности.

— Спасибо, я сам найду себе место. Сначала определю, где сквозняки.

— Здесь их нет. Спокойной ночи, сэр. Если понадобится — я наверху. Только не позволяйте им подкрадываться и трогать вас за шею холодными влажными руками. И присматривайте-ка за миссис Дайер: она явно положила на вас глаз.

Хьюсон рассмеялся и пожелал ему спокойной ночи. Это оказалось проще, чем он предполагал. Откатив тяжелое плюшевое кресло дальше по центральному проходу, он намеренно поместил его так, чтобы не видеть д-ра Бурдетта. По какой-то причине он нравился журналисту больше остальных. Занимаясь креслом, он почти успокоился, но когда шаг служителя затихли и глубокая тишина воцарилась в комнате, понял, какое нелегкое дело ему предстоит.

Тусклый немигающий свет падал на ряды фигур, столь дьявольски похожих на людей, что их молчание и неподвижность казались неестественными и даже страшными. Он вдруг ощутил нехватку звуков дыхания, движения, шелеста одежды — да просто тысячи едва уловимых шумов, слышимых даже в молчании толпы. Воздух был неподвижен как вода на дне затянутого тинной пруда. Ни звука... ни вздоха... ни шелеста... Только его собственная тень, повинующаяся движению руки или ноги... «Как на дне моря», — подумал Хьюсон и начал размышлять, как он вставит эту фразу в завтрашний репортаж.

Довольно бесстрашно он взидал на фигуры. В конце концов, они всего лишь из воска. Пока эта мысль побеждала все остальные, ему удавалось убедить себя, что все будет хорошо. Уверенность эта таяла под пристальным взглядом доктора, который — он знал — был нацелен ему в спину. Глаза маленького французского мальчика не давали покоя, что ему безудержно захотелось оглянуться. «Стоп», — сказал он сам себе. — Нервы сдают. Если я оглянусь на этот одетый манекен, это будет признанием поражения». В мозгу раздавался еще один голос: «Ты не повернешься и не посмотришь на него оттого, что боишься». Оба голоса безмолвно поспорили минуту. Наконец Хьюсон развернулся и...

Среди многих неподвижных фигур, стоявших в застывших, ненатуральных позах, фигура доктора выдвинулась вперед. Возможно, так показалось потому, что свет падал из-за спины манекена. Хьюсон неприятно поразился пародии на мягкость, которую удалось так дьявольски воплотить в воске неизвестному мастеру, встретившись взглядом с восковыми глазами на одну мучительную секунду и отвернулся. «Он всего лишь манекен, как и все остальные», — успокаивающе пробормотал Хьюсон, — все вы восковые куклы».

Да, они были всего лишь восковыми куклами, но ведь восковые куклы не двигаются! Не то, чтобы он видел какое-то движение где-либо, но внезапно он осознал, что в то время, как он смотрел на доктора, в группе передних фигур произошло легчайшее, почти незаметное изменение. Криппен, например, повернулся по меньшей мере на один градус влево. Нет, конечно, он не вернул кресло в первоначальное положение. Или вот Филд и Грей — один из них явно шевельнул рукой. У Хьюсона на мгновение перехватило дыхание, а затем самообладание вернулось вновь. Он вдруг вспомнил слова редактора новостей и мысленно расхохотался: «Они еще говорят, у меня нет воображения!» Хьюсон извлек блокнот и начал быстро писать: «Запомни. Мертвая тишина и мертвенная неподвиж. Дно моря. Гипнотич. глаза Бурдетта. Фигуры, похоже, дви-

жутся, когда на них не смотр.» Он захлопнул блокнот и быстро обернулся через правое плечо. Не видел и не слышал ни одного движения, и все-таки какое-то шестое чувство подсказало ему, что движение было. Хьюсон посмотрел прямо в глаза Лейроу, который улыбнулся мертвой улыбкой, как бы говоря: «Это не я!» Конечно, не он, конечно, не они: это его собственные нервы. Или было? Разве Криппен не шевельнулся, пока он отвлекся? Ему невозможно доверять! Как только ты отвернешься, он тут же меняет положение. И все они такие. Он приподнялся. Не собирается он торчать тут всю ночь с дурацкими манекенами, которые шевелятся, как только не смотришь на них.

...Хьюсон снова сел. Трус и дурак. Они всего лишь манекены и не могут шевелиться! Надо только повторять, это, и все будет хорошо. Он оглянулся и столкнулся с мягким, но недобрый взглядом доктора Бурдетта. Потом резко повернулся и установился на Криппена. Хал! На сей раз он чуть было не поймал его! «Осторожно-ка, Криппен, и вы, все остальные, если я вас замечу, расколочу на кусочки! Слышите?» Надо бы подняться наверх. У него уже достаточно материала на десять репортажей. Почему бы не уйти? «Морнинг Эко» примет любую историю, лишь бы она была хороша. Служитель начнет смеяться. И управляющий может заупрямиться и не дать денег, которые ему так необходимы. Интересно, спит ли Роуз или думает о нем сейчас? Ох и посмеются же они, когда он расскажет о своих фантазиях!

Ну, это уже слишком! Ужасно было, когда они, эти восковые убийцы, двигались, пока на них не смотришь, но ведь невинно, чтобы они дышали. Он слышал, как кто-то дышит. Или то было его собственное дыхание? Он сидел напряженный, как струна, прислушиваясь и замирая. Наконец издал протяжный вздох: конечно, это его собственное дыхание или... кто-то понял, что он прислушивается, и перестал дышать.

Хьюсон дернулся и затравленно оглянулся. Повсюду его усталый взгляд наталкивался на мертвые восковые лица. Он чувствовал себя учителем, за спиной которого непоседы шептались, ерзали и хихикали, но стоило ему обернуться — наступала мертвая тишина, и он видел лишь невинные глаза и отсутствующие взгляды.

Так не пойдет! Нет, решительно — так не пойдет! Вспомни, вспомни, ведь ты Раймонд Хьюсон, журналист-неудачник, ты живешь и дышишь, а все эти фигуры лишь манекены, которые не дышат и не движутся. Ну и что ж, что они так похожи на живых убийц? Они сделаны из воска и набиты опилками, стоят тут для развлечения всяких ротозеев. Так-то лучше! Кстати, какую смешную историю рассказали ему вчера в клубе?.. Он не успел вспомнить всю историю, так как взгляд доктора заставил его оглянуться и забыть обо всем на свете. Глаза Хьюсона вылезли из орбит, рот раскрылся в гримасе ужаса... Он вскопчил и закричал: «Ты шевельнулся, черт бы тебя побрал! Да, черт возьми, я видел!» Он упал в кресло, глядя прямо перед собой, как человек, найденный замерзшим в льдах Арктики.

Движения доктора Бурдетта были неторопливыми. Он спустился с пьедестала с жеманной грацией женщины, выходящей из автобуса, поднял бархатный шнур и сказал Хьюсону:

— Добрый вечер. Вряд ли надо объяснять, — продолжал он на прекрасном английском с незначительным акцентом, — что я и не подозревал, пока не услышал вашу беседу с управляющим этого заведения, что буду иметь удовольствие провести ночь вместе с вами. Вы не смо-

жете ни говорить, ни двигаться без моего разрешения, вам позволено только слушать. Вы — очень нервный человек. Не питайте иллюзий. Я совсем не один из этих презираемых мной манекенов, внезапно оживших, я — сам доктор Бурдетт.

Он помолчал, откашлялся.

—Пардон. Позвольте объяснить вам кое-что. Обстоятельства, которыми не буду вас утомлять, вынудили меня жить в Англии. Я находился недалеко от этого здания, когда заметил, что полусмен смотрит на меня слишком внимательно. Я смеялся с толпой и зашел сюда. Устроил пожарную тревогу, стянул пальто со своей восковой копии, спрятал ее под эту платформу и занял ее место на пьедестале. Вечер я провел отвратительно, но, к счастью, время от времени мог вздохнуть и немного расслабляться. Один мальчишка заметил это и заорал, но никто не обратил на него внимания. То, что вам говорил обо мне управляющий и что я, к своей неловкости, слышал, не совсем верно, хотя и безосновательно. Ясно, что я не умер, хотя это общее мнение. Его рассказ о моем хобби, которому я всецело отдавался годами, пусть звучал и неидеально, но в сущности вполне правдив. Мир делится на коллекционеров и неколлекторов, последние нас не интересуют. Коллекционеры собирают что угодно, в зависимости от личных пристрастий. Я собираю горла.

Он опять помолчал и посмотрел на хьюсонское горло с интересом и неодобрением.

— Благодарю случай, сведший нас вместе в эту ночь. Из мотивов личной безопасности я вынужден был свернуть свою деятельность, и сегодня я рад удовлетворить свой не совсем обычный каприз. Но у вас, сэр, тощая шея, если вас интересует мое мнение. Никогда я бы не остановил на вас свой выбор. Люблю мужчин с толстыми шеями... толстыми красными шеями...

Он пошарил во внутреннем кармане, извлек оттуда нечто, провел этим по влажному среднему пальцу и стал им нежно водить по ладони левой руки.

— Это маленькая французская бритва, — успокаивающе проговорил Бурдетт, — их редко используют в Англии. Лезвие, как видите, очень узкое, оно режет не очень глубоко. Через мгновение убедитесь сами. Позвольте задать вам маленький вежливый вопрос воспитанного парикмахера: «Вас устраивает лезвие, сэр?»

Доктор приближался: маленькая, угрожающая фигурка. Он шел бесшумно, с грацией пантеры.

— Вам будет хорошо, хорошо, — бормотал он, — поднимите-ка подбородочек. Спасибо. Повыше, повыше. Еще выше. А-га. Благодарю, мсье... Ах... благодарю... благодарю...

После восхода солнца его лучи смешались со скудным освещением Камеры. Это освещение усугубило мрачную картину, которая совсем не нуждалась в дополнительном кошмарном этом штрихе.

Восковые фигуры равнодушно стояли на своих местах, ожидая удивленных или восхищенных восклицаний толпы, которая скоро заполнит залы музея. Окруженный ими, недвижно сидел Хьюсон, высоко запрокинув голову. Подбородок его смотрел в потолок. Он уже окоченел. На горле Хьюсона, как и на всем его теле, не было ни царапины. Ошибались редакторы, обвиняя Хьюсона в отсутствии воображения.

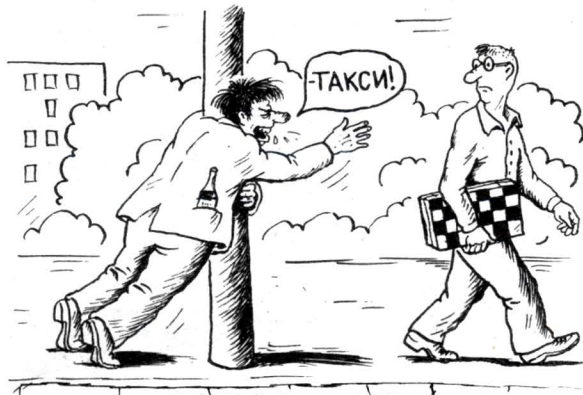
Доктор Бурдетт, стоя на пьедестале, равнодушно взидал на мертвеца. Он не двигался и не мог двигаться. Ведь в конце концов он был всего лишь экспонатом музея восковых фигур...

Перевод с английского Елены ЕЛЕНСКОЙ.

ЯПОНИЯ. Искусственные волосы из полиамидного волокна начала вырабатывать японская фирма «Адеранс». Их можно мыть, сушить и даже завивать как настоящие. Реклама утверждает, что специальная обработка волокна предохраняет его от сильной влажности и от чрезмерно сухого воздуха. Волосы выпускаются в тридцати оттенках черного цвета, поскольку другого цвета волос у коренных жителей Японии нет.

ИРАН. «Икра подорожает», — заявляют эксперты мирового рынка. Почему? Ведь один килограмм иранской икры, например, уже сегодня оценивается в две тысячи долларов. Своим высоким качеством она служит эталоном для этого вида продукции. Виной всему послужил пожар, уничтоживший недавно две тонны черной икры на одном из рыбозаводов в Иране. Эта доля в годовом объеме производства составляет ни много ни мало 40 процентов всего иранского экспорта икры.

США, ШВЕЙЦАРИЯ. Имбирный корень с давних времен берут с собой в море рыбаки, промышляющие в Карибском море. Он спасает их от морской болезни, и это подтвердили недавно исследования ученых в США. Причем, в отличие от существующих химических лекарственных препаратов, имбирь не вызывает побочных действий — таких, как сухость во рту, сонливость, падение давления. В этом году в Швейцарии начали производство таблеток, содержащих имбирь. Их рекомендуют людям, трудно переносящим длительное путешествие в автомобиле, самолете, по морю.

Для «Линии» улыбнулся Владимир КАЗАНЕВСКИЙ (Киев).

ИТАЛИЯ. 46-летний Джанни Ривера, бывший итальянский футболист, член сборной страны, а ныне депутат парламента от христианско-демократической партии, намерен с помощью парламентских методов воспрепятствовать гастролям британской рок-группы «Роллинг стоунз». Его намерения поддержали свыше 50 депутатов от всех фракций. Они полностью согласны с Риверой, который сам никогда не пил и не курил, что многие песни этой группы восхваляют наркотики и пропагандируют их употребление среди молодежи.

ЧСФР. Многие боятся заразиться, беря в руки монеты. Чехословацкие ученые установили, что страх этот напрасен. На монетах удается выжить только некоторым видам безвредных для человека бактерий, других не было найдено.

США, КИТАЙ. Что такое «Сомарин»? Запомните это название нового лекарства против СПИДа и рака. Оно состоит из веществ, выделенных из восьми видов китайских грибов. Несколько лет работал над ним китайский ученый-ботаник доктор Минг Линг Ми, проживающий в городе Окленде (Калифорния). Лекарство уже помогло 79 пациентам из 120 больных СПИДом и 79 из 80 больных раком. Врачи, проводившие испытания, высоко оценивают новое средство.

ИЗРАИЛЬ. Недавно в Ставрополье пришло письмо из этой географически близкой, но такой еще недавно далекой страны. Главный редактор русскоязычного журнала «22» Р. Нудельман написал по поводу нашего издания буквально следующее: «Давно мне не приходилось читать такую динамичную, остро смонтированную и попросту интересную газету на русском языке. Рад за вас и за ваших читателей. Высылаю вам пару статей, которые можете использовать. Были бы рады регулярному обмену изданиями и материалами».

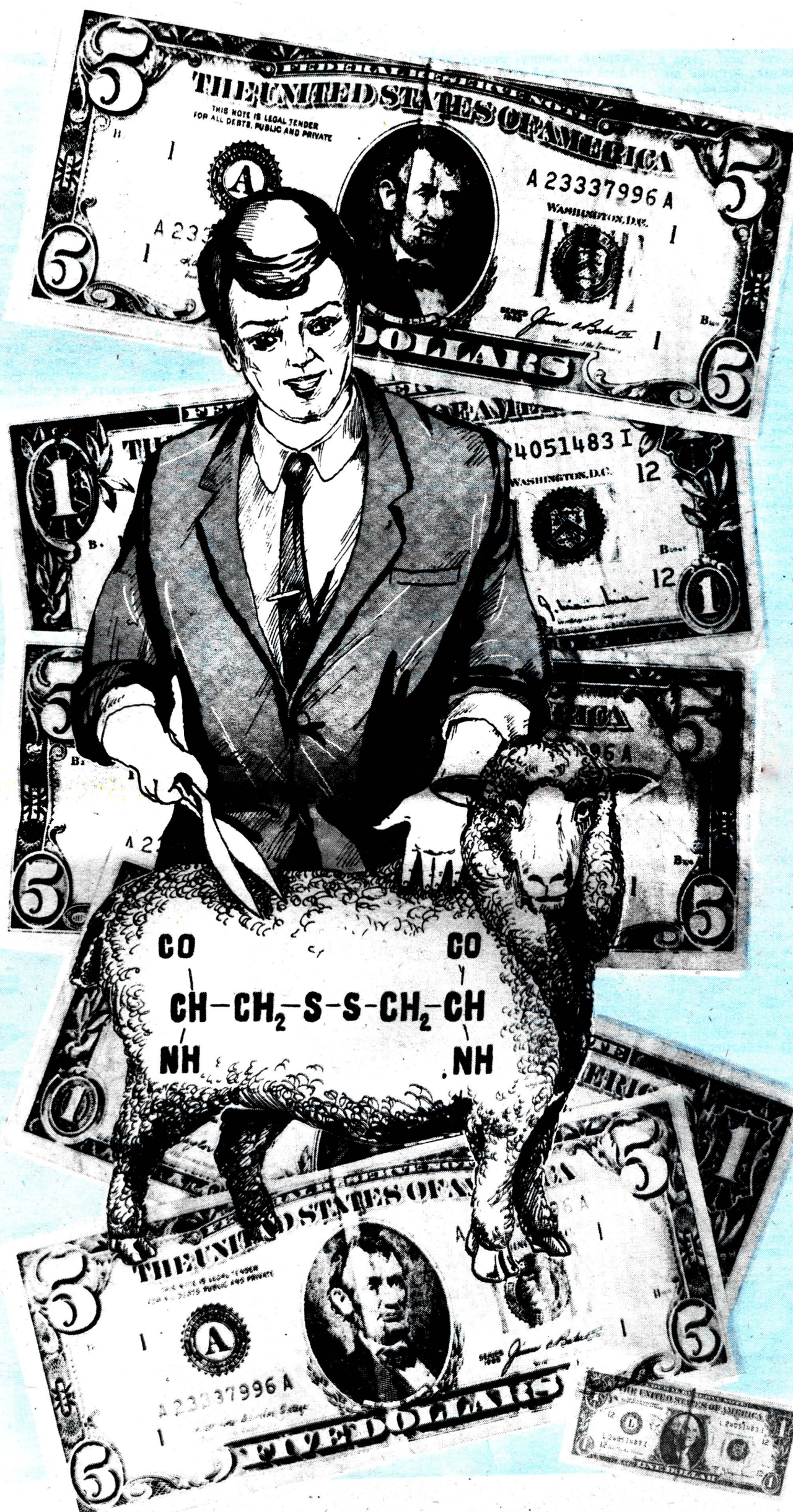
Подготовил Н. ПЕТУШОВ.

Старшина 1-й статьи участник войн на Черном и Японском морях Иван Николаевич Бондаренко (Кисловодск) с внучкой Оксаной

Фото Л. Лукашевича

ФОРМУЛА ШЕРСТИ

для того, кто имеет дело с Всесоюзным НИИ заготовок и первичной обработки шерсти (ВНИИЗПОШ) в Невинномысске —

ВНИИЗПОШ — это:

- сотрудничество с Международным секретариатом и Австралийской корпорацией шерсти, а также с зарубежными фирмами;
- технологии первичной обработки;
- исследования физико-механических свойств;
- совершенствование заготовок, сбыта, стандартизации;
- оборудование, приборы, методы измерения и оценки;
- решение проблем экономики;
- экспертиза;
- исходные данные для проектирования предприятий первичной обработки;
- технология подготовки шерсти к переработке с использованием инструментальных методов оценки. Ее внедрение улучшает качество руна, сокращает затраты ручного труда, повышает достоверность оценки, и, на этой основе, исключает случаи неверного определения стоимости сырья, укрепляя взаимное деловое доверие овцеводов и предприятий ПОШ.

ВНИИЗПОШ — это:

- улучшение качества промывки со снижением расхода моющих средств;
- оригинальные технологии сушки и карбонизации с сокращением расхода тепла и улучшением качества волокна; очистка шерстного жира с его рафинированием;
- спектрофотометрия степени пожелтения волокна;
- автоматический контроль загрязнения растворов при промывке, улучшающий эффективность процесса и сокращающий в полтора-два раза объем стоков. Тот же контроль при сушке улучшает качество волокна и на 15—20 процентов сокращает затраты энергоресурсов;
- рецептура и технология высокоэффективной краски для мечения овец «Овцевод-2» в аэрозольной упаковке.

Заключайте договора с ВНИИЗПОШ — и у ваших детей будут богатые родители!

ЗОЛОТОЕ РУНО

В 1783 году князь Потемкин подписал указ «О назначении на линии три города для обмена и продажи товаров... — Екатеринбург, Георгиевск и Ставрополь».

СЛАВА О СТАВРОПОЛЬСКИХ ЯРМАРКАХ разносилась далеко. На Троицкую (летнюю) и Ивановскую (осеннюю) спешили с красным, суконным и прочими товарами купцы московские и нижегородские, из Царицына и Дербента, Ростова-на-Дону и Таганрога, даже из далекой Бухары. К тому времени дороги и тракты, ведущие к Ставрополю, пылили под колесами тысяч телег, арб, фур, мажар ставропольских крестьян, казаков с Кубани, Дона и Терека, горцев ближних и дальних аулов, торгового люда из Закавказья.

Везли зерно, кожу, шерсть, живую и колоченую птицу, соленых перепелок и фазанов, жбаны с медом диких пчел, флаги со сливочным и коровьим маслом, чувалы с фасолью и горохом, конопляным семенем, гречихой, подсолнечником, сушеные белые грибы, лук и чеснок, дыни и арбузы... Везли свежую и присоленную осетрину, севрюгу, стерлядь,

завоевавшие всеобщее признание и уважение. Были, были они — знаменитые ставропольские «мартовское», «портер», «чешское», «венское», «бок-бир», «экспортное», «мюнхенское», «пильзенское», «богемское», «белое», «русское черное», «малороссийское» и другие, отмеченные, как сообщалось в фирменных проспектах, «золотыми и серебряными медалями на выставках в Таганроге, Берлине, Париже, Брюсселе, Мадриде».

Эти же заводы изготовляли разнообразные натуральные напитки, лимонады, сельтерскую, знаменитый «сбитень», сваренный из меда с добавлением пряностей...

Для любителей кофе местные заводы Гольбрейха и Груби из привозного сырья готовили «арабийское», «цейлонское», «сан-сальвадорское», «яванское», «ливанское»... Кондитерские фабрики В. Рошина и бр. Макаровых к китайскому и калмыцкому

ходу, дроги, экипажи, сани... Чугунномеднолитейные заводы Руднева, Шмидта, Ройта, Полова могли предложить оборудование для мельничных, маслодельных и черепичных заводов, гвозди и проволоку, запчасти к молотилкам и косилкам, чугунные фонарные столбы, скамейки, водоколонки, бытовые поделки из железа и чугуна.

Колокольный завод наследников Ефимова, ливший колокола до 600 пудов весом, на Ярмарочной площади устроил состязание звонарей России, превращавшееся в народный праздник...

Известные ставропольские торговые дома — «Пахалов и сыновья», «братья Меснянкины», «Колониальные товары Стасенкова», «Торговый дом бр. Леонидовых», «Азиатские товары Поваляева», «Женевский магазин Могильницкого» и многие иные, имевшие собственные лавки на Ярмарочной площади, могли предло-

жило-свечными заводами, где преобладала свечи сальные.

Частные типографии и литографии Дьячкова, Ткачева, Тимофеева, Берка, Минкина, Вайнблата, Корицкого, Паршина, Науменко готовили к ярмарке наборы открыток губернского Ставрополя, открытки к религиозным праздникам и памятным датам истории Отечества, книжки для «семейного» чтения, молитвенники... Здесь же в книжных ларях можно было купить бумагу писчую, почтовую, петергофскую высшего разряда, александрийскую, восковую, карандаши «брокманские» и «фабер», перья, сургуч, чернильные орешки... Здесь же можно было заказать с высылкой по почте книги известных книгоиздателей России — Сытина, Тихонова, Волфа, а также все, что издавалось в Париже, Риме, Лондоне...

На такую ярмарку спешили и агенты известных промышленных фирм — «Зингер», «Эдиссон и К°», «Сирена-Рекорд», «Л. Нейшейлер», «Российско-Американской резиновой мануфактуры» и др., предлагавших в рассрочку буквально все — от швейных машинок до последних моделей «фордов». Здесь же располагались агенты западных закупочных фирм, таких, к примеру, как парижская «Луи Дрейфус», оптом скупавшая ставропольское зерно...

На ярмарку собирались бродячие труппы актеров, музыкантов, циркачей, устраивавших свои «комедии» на ярмарочных перекрестках. Здесь же возводились унизанные стекларосом карусели и расписные качели.

Между тем огромная, беспокойная, многоязычная масса людей, добравшись до Ставрополя, по неписаным законам привычно устраивалась в ожидании на Ярмарочной площади, возводя шалаши, платки, навесы. В вечернее время, при свете многочисленных костров, площадь эта приобретала фантастический вид, пугая обывателей затененной силой, духом казачьей воли.

И вот наконец ярмарка ожила многотысячной толкотней, разнообразьем, руганью, смехом, переборами гармошек, визгом девиц на качелях, ржанием лошадей, скрипящими звуками шарманок с попутными, готовыми за копейку вытаскать «ключом розовый, плавающий дешевым одеколоном конвертик с предсказанием вашей судьбы»...

Между тем приезжие крестьяне и казаки, как и местные фабриканты и купцы, выгодно сбыв свой товар и закупив все необходимое для жизни, производства и торговли, после молебна по случаю закрытия ярмарки в старом соборе и хмельного зельствия принимались наживать новые капиталы, готовиться к следующему большому торгу.

В наши дни, приуроченная к «Дню города», ежегодно проводится ставропольская ярмарка. И пусть ей еще очень далеко до тех губернских, но возвращение к частному предпринимательству, промыслам и ремеслам — залог ее возрождения.

Герман БЕЛИКОВ.

судаков и лещей, тешки и балыки, паюсную икру, связки вяленой шемаи и рыба, мешки с таранью и живыми раками... Горцы доставляли на ярмарку знаменитые кавказские буржи, башлыки и бешметы, кабардинские седла, холодное оружие с насечкой, шкуры медведей, рысей, туров и косуль... Все, чем были богаты земли и воды седого Кавказа, везли и гнали в Ставрополь. Огромные табуны лошадей, тучные стада овец, гурты скота, матовый лес Архыза, соль Маныча, уголь Хумары, нефть, деготь и смолу Грозного и Майкопа...

Готовились к ярмарке и Ставрополь, подновляя торговые ряды на огромном пустыре Ярмарочной площади — панский, красный, галантерейный, мелочной, железный... Рядом располагались ряды: мучные и мясные, молочные и рыбные, фруктовые и овощные... В стороне устраивался ряд конский с коновязями для кабардинских скакунов, лошадей русских пород, битогов-тяжеловесов из Воронежа, низкорослых, но выносливых калмыцких лошадей. Воздвигались загоны для овец, крупного рогатого скота, в том числе знаменитых черкесских быков, мясо которых особенно ценилось на рынках Москвы и Петербурга. У Триумфальной арки по традиции размещались винно-водочные брезентовые палаты со столами и скамейками из свежеструганых досок. Здесь же, среди жбанов с красным квасом, солодом (брагой), заквашенными хмелем арбузами и виноградом, среди пиремид из дубовых бочонков с кизлярскими и прасковейскими винами, дымили мангалы, где из молодого барашка приготавливали шашлык — по-карски, по-грузински, по-татарски, по-бухарски...

К БОЛЬШОМУ ТОРГУ готовились и ставропольские фабриканты, заводчики, купцы. Паровые мельницы Гулиева, Анпеткова, Тюленева, Мавродиса, Израильских в свои ярмарочные лари завозили чувалы с мукой лучшего помола, отмеченной многочисленными золотыми медалями и дипломами на самых престижных российских и западных выставках. Маслобойни Ломегины, Криволапова, Богачева везли в жбанах и четвертях масло конопляное и подсолнечное, маковое и ореховое, горчиное и льняное, кунжутное... Фабрики Карла Новотни и Николая Конюхова, известные всей России, да и Европе, своими твердокопченными колбасами, ветчиной и окороками, к ярмарке готовили копченых перепелок, фазанов, гусей, цесарок, индеек, куропаток, зайцев, дроф, диких коз... Не менее известные в России и той же Европе заводы Ивана Алафузова, производящие хлебную водку и спирт, демонстрировали на своей продукции отписки завоеванных на выставках медалей всех рангов и достоинств. Медопивоваренные заводы В. Салиса, А. Груби, Ф. Стасицкого, Ф. Кнорре, К. Дердау к ярмарке увеличивали выпуск и ассортимент пива, своими хмельными букетами

чаю, наиболее употребляемым в губернии напиткам, готовили полулуковые сахарные «головы», «рафинад» и «мольво», сахарную и медовую халву, пастилу «Боярская роскошь», «Ранет», конфеты... Хлебопекарни пекли огромные караваи пшеничного белого, сдобного и упруного, пьянящего ароматом. Пекли и ржаной, и ситный, и крупитчатый... Здесь же, на Ярмарочной площади, возводились временные «обжорки», непременно для городских базаров, где можно было отведать отварные свиные ножки, трюху с луком, известные ставропольские «сальники» со стручками молодого перца, подаваемые на капустных листьях.

Табачная фабрика Стасенкова из сырья собственных плантаций готова была предложить курильщикам табак «шариаз», «виргинский», «гунди», «турецкий», «кубинский», «огайо», «абаго», «дьюбек», «султанский», «салоникский», не считая более чем дюжины сортов русской махорки...

ТОВАР ГОТОВИЛИ и обувные короли — Яков Зайдман и Иван Пастухов, успешно конкурировавшие с лучшими западными обувными фирмами благодаря прекрасной выделке кож на местных заводах Леденева, Рыбникова, Демина, Меснянкина, Конюхова...

Фабрика ходов бр. Воротниковых, расположенная на той же Ярмарочной площади, предлагала брички,

жить многое из того, что производилось на Кавказе, в России и Европе. Бери красный, суконный или азиатский товар, выбирай московские ситцы, городецкий холст, ярославские полотна, саратовскую сарпинку, арзамасскую крашенину, елецкие кружева, английские сукна, китайский шелк...

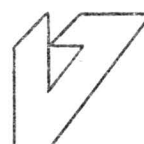
Если табачная лавка Стасенкова не удовлетворяла разбалованного курильщика, предлагался табак «Меркурий», турецкие набивные папиросы, гавайские сигары «вегуэрус», знаменитые кушнеревские папиросы «Иозьма Крюкова», «Реформа», здесь же набивные папиросные машинки «Феникс», механические спичечницы «американки», (зажигалки), мундштуки доктора Коха «Метрион», уничтожающие никотин... Парфюмерные лари помнили от самого изысканного товара, например французского товарищества «Броккар и К°», предлагавшего «Одеколон» «Персидская сирень», «Идеал грез», «Рейские букеты», крем «Ренессанс», пудру «Лебяжий пух», мыло «Каприз», «Розовое хрустальное»...

Огромный Епархиальный свечной завод, изготовлявший восковые и стеариновые свечи от нескольких граммов до полупуда, отмеченные теми же российскими и международными медалями и дипломами, успешно конкурировал с многочисленными

Стоимость продуктов питания в розничной продаже Ставрополя [Из книги «Сборник сведений о Северном Кавказе», г. Ставрополь, 1910 г.].

Продукт	Цена	Продукт	Цена
	руб. коп.		руб. коп.
МУКИ ЗА ПУД		Сотня раков больших	— 70
Пшеничной	— 90	ЗА ВЕДРО	
Ржаной	— 40	Спирта	7 60
Крупитчатой	— 70	Водки хлебной	3 80
Солоду	1 60	Красного вина	2 —
Фасоли	1 60	Пива	1 20
ХЛЕБ ПЕЧЕНЫЙ ЗА ОДИН ФУНТ		Меду	— 20
Пшеничный белый	— 3	Квасу	— 30
Ржаной	— 1,5	ЗА ФУНТ	
Ситный	— 2,5	Сахарный песок	— 18
Крупитчатый	— 8	Мед белый	— 20
МЯСО ЗА ФУНТ		Мед желтый	— 15
Говядина лучшая	— 4	Кофе	— 50
Говядина обрешная	— 2	Масло горчиное	— 25
Солонина лучшая	— 3,5	Масло подсолнечное	— 15
Баранина лучшая	— 8	Масло сливочное	— 20
Ветчина копченая	— 20	Масло коровье	— 18
Свинина	— 8	Белые сушеные грибы	— 50
Соленые перепелки	— 20	Виноград	— 4
РЫБА ЗА ФУНТ		ЗА СОТНЮ	
Стерлядь замороженная	— 8	Огурцов свежих	— 8
Осетрина свежая	— 12	Арбузы	1 50
Севрюга свежая	— 10	Дыни	1 50
Лососина	— 10	ЗА ФУНТ	
Балык осетровый	— 15	Свечи стеариновые	— 30
Тешки осетровые	— 2	Крашмал	— 12
Икра зернистая	— 40	Воды ведро	— 1,5
Икра паюсная	— 40		

[При заработках в один день: каменщик — 1 руб. 20 коп., столяр — 4 руб. 50 коп., печник — 1 руб. 50 коп., плотник — 1 руб. 20 коп., кузнец — 1 руб. 50 коп., альфрейщик — 2 руб., мелкий служащий — 1 руб. 50 коп. — 2 руб., средний служащий от 2 руб. и выше. ГАСК, ф. 103, оп. 1. д. 937].

Продолжаем знакомить вас с новыми главами из предстоящего второго издания книги Валерия Перевозчикова «Живая жизнь», право первой публикации которых автор предоставил «45». На этот раз о своем друге свидетельствует актер Таганки Иван БОРТНИК.

Фото В. Мурашко.

Я познакомился с Высоцким в 1967 году. Потом мы выяснили, что Володя знал меня гораздо раньше, помнил еще по Трифоновке. У нас были общие приятели на его курсе. А еще оказалось, что Володя видел меня в «Исповеди» — был такой фильм в 1967 году, в котором я сыграл главную роль.

Что нас сблизило? У нас было много общего, и прежде всего — московское дворовое детство. Послевоенное детство — особое время: каждый второй — в «проходах», в кепочке. Знаменитых блатных знали все: Садко, ВД... Сокольники, Краснопресненская, район «Трех вокзалов», знаменитый «Дом специалистов» — там жил Утесов, там кого-то убили...

О своем детстве Володя часто вспоминал, любил свое детство. И насколько точно (удивительно точно!) передана атмосфера того времени в «Балладе о детстве». Володя рассказывал мне, как они жили с матерью в голодные военные и послевоенные годы. Нину Максимовну Володя очень любил, называл ее «мамочкой». Мне всегда казалось, что в их отношениях Володя был старшим.

Он любил тот беспорядок, который создавал сам. Нина Максимовна приходила и наводила идеальный порядок. И иногда начинались поиски клочка бумажки, на котором был записан телефон.

— Ну где этот телефон? Ну где он? Ну, мамочка, где эта бумажка? Ну что ты, ей-богу...

Все это было очень трогательно. Мать у Володи замечательная. В одном из писем ко мне он пишет: «Ты, Ванечка, позванивай моей маме». Когда Володя был в Париже, Нина Максимовна иногда жила в его квартире. Часто звонил мне из разных городов, даже из разных стран и всегда просил: «Передай привет моей мамочке».

В близких отношениях — а я испытал на себе дружбу Высоцкого — он был очень внимательным и даже нежным. Причем о своих друзьях Володя должен был знать все, и я знал все о Володе.

Прежде всего Володя заботился о том, чтобы человеку было хорошо. И не просто интересовался, а участвовал в судьбе своих друзей. За людей беспокоился всерьез! Когда заболел мой отец, как он за него переживал! Недавно Олег Халимонов говорит мне: «Слушай, у меня лекарство лежит. Володя просил достать в Лондоне для твоего отца, так с тех пор и лежит в холодильнике».

Какое качество ценил? Володя любил людей, которые что-то делают сами. В театре уважал людей, которые работали не только на сцене. Работа — это он очень ценил. Как он уговаривал меня писать! «Мало только сценарии — тебе надо делать свою программу!»

Очень хорошо помню вечер 24

смотрим — уже 6 часов. Ложимся спать, слышу:

— Вань, давай пойдем покурим...

Не любил в людях? Прежде всего — беспардонность. Если чувствовал беспардонность, сразу же реагировал глазом, подбородком, жестом. Что-то в нем менялось, сразу становился другим — жестким. И еще нужно сказать, Володя мгновенно чувствовал, что за человек перед ним. Чувство на людей у него было уникальное!

А поклонники, особенно поклонники, в последнее время просто не давали жить:

— Ну, опять... Эти сумасшедшие!..

Он так и говорил «сумасшедшие», через два «ч»:

— Ну, опять! Что же делать?!..

Отшивал сплошь и рядом. Но они узнавали адрес, проникали в дом, спали на лестничных площадках, а ночью часа в два-три звонили в дверь. Другие ждали до утра, чтобы только увидеть Высоцкого. Пять раз за пять лет на Малой Грузинской менял номер телефона. Писем получал очень много, хотя «много» — это не то слово. Он физически не мог прочитать это громадное количество писем. Да, у меня сохранилось два очень курьезных письма. Володе пишет мальчик из Пятигорска:

«Здравствуйте, Владимир!

Через «Комсомольскую правду» достал Ваш адрес.

У меня к Вам просьба, не в службу, а в дружбу: подарите мне «Волгу», ГАЗ-24. И расскажите о своей жизни...»

Еще необычное письмо:

«Уважаемый В. Высоцкий!

Я сочинил песню очень-очень нужную. В этой песне я предлагаю посадить черешни вместо кленов на второстепенных улицах, где можно. Я эту песню спел друзьям в Вашей манере исполнения —

ленной. Потом он быстро пришел в себя. Мы с Володей вспоминали об этом — хохотали.

В кино мы не снимались вместе, но должны были играть в фильме «Иван-да-Марья». Володя не стал сниматься, что-то ему помешало. Хотя песни для фильма он написал, песни, на мой взгляд, замечательные. Но режиссер пригласил профессионального композитора, который сделал аранжировки... Некоторые песни вообще не вошли, другие были сокращены. Все равно, эти песни для меня существуют, живут только в Володином исполнении.

Он сам хотел снимать фильм, хотел попробовать себя в режиссуре. Уже был готов сценарий «Зеленый фургон», постоянно были разговоры об этом, телефонные переговоры с Одесской студией. Я думаю, что фильм у него получился бы. Тем более что Володя уже почувствовал вкус к этой работе: он однажды снимал одну из сцен фильма «Место встречи изменить нельзя» — сам, самостоятельно. Как раз после этого он сразу же примчался ко мне. Я живу на Ленинском проспекте, и Володя из Внуково обычно заезжал ко мне. Вот тогда он и рассказал, как все это происходило:

— Они же работать не умеют! Тянутся, тащатся — пока свет поставят, пока то, пока се...

Володя собрал всю съемочную группу:

— Ребята, давайте поработаем как следует, а после съемок я вам попою.

Ну все, конечно, завертелось очень быстро. После этой съемки он не просто приехал, он прилетел как на крыльях! Уверен, что у него бы получилось. А потом, у Володи уже был опыт: он написал сценарий «Каникулы после войны». Я помню как он работал: вначале на-

„КАК ХОТИТЕ ЧТО ТАКОЕ

января 1978 года. Концерты в Северодонецке, день накануне его сорокалетия. Мы очень долго говорили в номере гостиницы. Я предложил сделать программу — куски из «Пугачева» и его песни к фильму «Арап Петра Великого». Тогда эти песни («Купола» и «Сколь веревочка не вейся») Володя в концертах не исполнял. Я ему говорю, что пропадают, пропадают песни. Как он загорался:

— Молодец! Давай будем делать вместе!

Работаем за письменным столом я видел Володю несколько раз, но это было очень редко. «Сейчас, сейчас... Подожди минуточку...», — говорил он и уходил в свою комнату — что-то дописывал.

Очень долго работал над «Нелегкой» — там было огромное количество вариантов. Я читал текст, когда он существовал только на бумаге. И все надоедал Володе:

— Надо, надо закончить эту песню...

Помню, как-то он мне сказал: «Если бы не ты, может быть, не закончил бы эту вещь».

А когда Володю что-то удивляло и начинала работать мысль — было такое характерное подергивание нижней губы. Какая-то хреновина начинала у него в голове вертеться.

И любознательность... Любознательность — одна из главных черт Володи. Иногда эта любознательность меня просто поражала. Он «вытягивал» из людей все, что его интересовало. Доброжелательно, но очень настойчиво он выпытывал малейшие детали, а его интересовало буквально все. В последнее время собирал у себя дома самых разных людей — биологов, физиков, химиков... Их привозил художник Златковский. И были многочасовые беседы: Володя выпрашивал их буквально обо всем — о самых последних проблемах и достижениях науки.

И еще очень характерная его черта: Володя всегда в движении. Дня не хватало — мы часто разговаривали ночью. Разговоримся,

хорошо получается, звучит. Вы бы ее спели на всю страну, государство наше стало бы еще богаче, и Вас бы вознаградили! Вы бы после ее исполнения вошли бы в Историю!»

Володя часто брал меня с собой в свои концертные поездки. И по своей широте, и от моего тогдашнего безденежья. Мы делали такой блок: военные стихи и его песни. Особенно часто ездили в 77—78 годах.

Запомнился случай, который произошел в Ростове-на-Дону. Володя давал концерт на комбинате прикладного искусства. Ему предложили выбрать что-нибудь из керамики — на память. Володя выбрал несколько вещей работы одного мастера — Леонида Шихачевского. Захотел познакомиться с ним поближе. И тут выяснилось, что Шихачевский его не знает и даже песен никогда не слышал! Володя это немного задело: он тут же на еще влажной вазе написал: «Хочу петь для Вас!» И они договорились встретиться вечером. И вот вечером мы поехали к Шихачевскому домой. Дети поставили на стол старенький магнитофон «Яуза», Володя много пел и рассказывал. Конечно, он покорила Шихачевского.

В Коньтопе попали в автомобильную катастрофу. Ехали из Дворца культуры в гостиницу, машину занесло. Чудом проскочили мимо бетонного столба, и — в глубокий овраг! Машина перевернулась и снова встала на колеса! Я сидел на заднем сиденье, на меня всем своим весом навалился наш администратор Гольдман. Навалился так, что я выломал дверцу. Вовка заорал:

— Ванятка! Гибнем!!!

Машина встала на колеса. Все вылезли. Пауза. Так, все живы. А дальше началось странное... Гольдман шепотом спросил:

— А в каком вы городе?

Человек, который организовывал гастроли, который нас и привез в Конотоп! И, глядя на меня:

— А Ваня где?..

Такой блуждающий взгляд с пе-

диктовывал на магнитофон, потом дал мне читать этот сценарий. Я также знаю, что еще тогда Денардьё дал согласие сниматься в этом фильме.

Гастроли во Франции были очень напряженными и достаточно длительными. Честно говоря, в самом конце я начал скучать по Москве, по дому, по семье. Вернулись, прошло время — я стал вспоминать, жалеть, что мало успел посмотреть. Володя:

— А-а-а... Говорил тебе, что еще будешь вспоминать Париж!

Помню его слова:

— Может быть, самое интересное, что осталось, — поездить, посмотреть мир...

В Париже мы вместе были в знаменитом ресторане «Распутин». Его владелица, мадам Мартини, хорошо знала Володю. И вот когда мы подъехали — официанты распахнули двери, даже ковровую дорожку расстелили. В этом ресторане тогда пел Алеша Дмитриевич, знаменитый исполнитель цыганских песен. Так вот, Алеша Дмитриевич подошел к нашему столу, пел специально для нас. А под утро всем хором цыгане пели:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля.

Просыпается с рассветом
Наша Русская земля...

Тогда он подарил нам свои пластинки с автографами. Мы эти пластинки перепутили, диск, подаренный Володе, хранится у меня.

В Югославии мы с Володей попробовали сыграть в рулетку. Я знал, что Володя азартный, но до такой степени... Он выиграл довольно крупную сумму, мог бы выиграть больше. Но когда он сделал последнюю ставку, то шарик остановился почти посередине между двумя цифрами, и крупье присудил выигрыш одному американцу. Володя страшно возмущался, пытался что-то объяснить. Я в этом деле не хрена не понимаю. А он потом вспоминал об этом:

И ЭТО ВСЕ О НЕМ

18

15-й параллель

— Этот крупье гад! — (Дальше следовало несколько энергичных выражений). — Присудил капиталисту!

Проблемы с выездом за границу у Володи, конечно, были... Всегда нервотрепка: по многу раз ездили в ОВИР. Но там у Володи был один хороший знакомый. Этот человек очень любил книги, и Володя привозил ему иногда редкие издания. Он много помогал Володе. Потом, когда Высоцкий получил постоянный заграничный паспорт, стало полегче.

Однажды Володе помогли организовать концерт в Министерстве внешней торговли. На концерте должен был присутствовать Юрий Брежнев. В какой-то мере Володя на это рассчитывал. Но Брежнев или не захотел прийти, или не смог. И об этом стало известно часа за два до концерта. Чиновники — как бы чего не вышло! — этот не пришел, тот не пришел... Наверное, впервые на концерте Высоцкого был полупустой зал.

В театре Володя любил петь — часто в гримерной показывал новые песни. Пел со сцены, после спектакля: всегда набивалось много народу. Пел перед своими отъездами — как бы авансом. Иногда жаловался:

— Опять делегация... Шеф просит спеть...

Но говорил об этом не без удовольствия, да и пел охотно.

Был момент, когда Любимов предложил мне играть Гамлета:

— Не хочу от него зависеть...

Я сразу же отказался:

— Спектакль поставлен на Володю!

И тут шеф мне выдал:

— Я тебе предлагаю играть ГАМ-ЛЕ-ТА! Ты отказываешься играть ГАМ-ЛЕ-ТА?!

Я рассказал об этом Володе. Он как-то грустно ответил:

— Что ж... Давай...

И все-таки мы поссорились, примерно за год до смерти. Не по-крупному — обычные дела между друзьями. И я считал себя виноватым, но подойти, сказать — как-то не получалось: гордость заела... Мы продолжали часто встречаться и общаться, но ссора была.

Конечно, Володя менялся. Последние годы стал жестче, много думал и говорил о смерти. Примерно за год до 25 июля он написал мне на фотографии (Гамлет держит в руках череп королевского шута): «Ваня, давай подольше не пойдем к Иоррику!». В последние годы часто жаловался на сердце...

Еще в 1977 году я попал в больницу — довольно долго лежал в кардиологии. Володя приезжал почти каждый день. Когда мне стало получше, врачи стали отпускать меня на спектакли. И вот Володя вез меня в больницу после спектакля. Вдруг смотрю: схватился за сердце! Согнулся, потом почти упал на рулевое колесо... Потом стало полегче — он выпрямился, выровнял машину...

— Ты что?!

— А-а, ерунда...

Но я понял, что дело — серьезное, и буквально заставил его сделать кардиограмму. Кардиограмму здесь же, в больнице, показали специалистам, и оказалось, что у Володи ишемическая болезнь сердца, и довольно запущенная. Да, еще помню, он сказал и сказал с болью: «В театре никто не верит, что я болен...»

У меня хранится уникальная кассета. На ней запись, которую Володя сделал у себя дома, на Малой Грузинской. Ночь, Володя в комнате один. Впервые он поет «Райские яблоки» — причем несколько вариантов. А перед этим

ПОНИМАЙТЕ, ЭТОТ РАЙ "

Конечно, Гамлета я не играл и не репетировал. И всегда считал, и считаю теперь, что поступил правильно.

Звания? Любимов нас приучил не обращать внимания на такие вещи. А Володя вообще никогда не жаловался на судьбу, он считал, что сам многого достиг.

Разговоры об уходе из театра у нас были постоянно. Но я не думаю, что всерьез: вот так взять и уйти... И когда Любимов подписал заявление о творческом отпуске на год:

— Что ж, Володя, решайте сами... Только я Вас прошу: играйте Гамлета...

Володя этого не ожидал. Он был страшно поражен, что шеф так легко подписал... Он был обижен.

Обижался ли на меня? Да, однажды Володя серьезно обиделся. Он только написал песню «Я сам с Ростова» и спел ее мне. А я говорю:

— Хватит тебе мусолить эту тему, ты же ее не очень хорошо знаешь.

Вот тут он «завелся», обиделся всерьез. Тогда мы быстро помирились. Володя мне иногда говорил:

— Если вот с этим (назвал фамилию) поссорюсь, ладно... Но если с тобой — мне будет очень больно.

Володя говорит:

— Только что, буквально, я написал песню. Хочу ее спеть. Обнаглев, могу сказать, что я ее люблю. И никакой критики я слушать не буду. Она еще «черная» — масса вариантов... Я ее посвятил моему другу, Вадиму Туманову, а написал жене — Марине. Где он, этот рай? Как хотите понимайте, что такое этот рай... Может быть, он в душе или вокруг...

Что еще осталось? Сохранилось несколько стихотворных экспромтов Высоцкого. В театре, после премьеры спектакля «Деревянные кони», Володя написал на афише:

Ваня вышел на другие круги!

Трепещите, недруги и други!

Перед моим отъездом в отпуск, в Кисловодск, мы поспорили, найдет ли Володя рифму на мою фамилию...

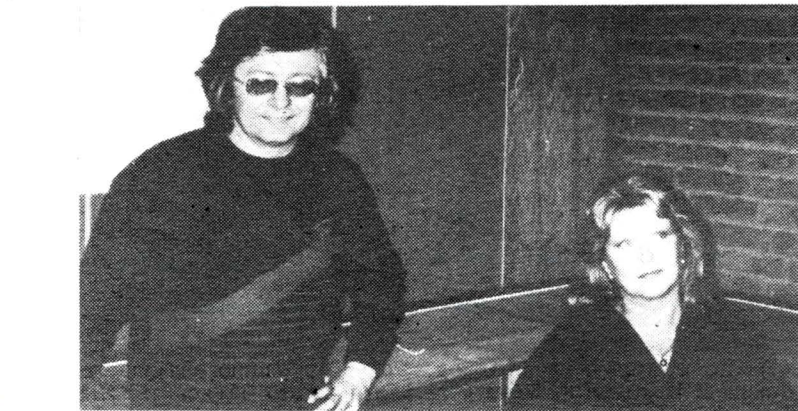
Грустно! Едет на курорт никак...

Как же я без Вани Бортника?

Я бы Ваню оттенял.

Как же Ваня без меня?!

Валерий ПЕРЕВОЗЧИКОВ.

НА СНИМКЕ: автор книги «ЖИВАЯ ЖИЗНЬ» Валерий ПЕРЕВОЗЧИКОВ и Марина ВЛАДИ. Снимок сделан 1 марта 1989 года.

РЕКВИЕМ

« Не нужно плакать, нужно любить живых! Как тяжело думать, что есть люди, которые умерли, а ты не успел сказать им даже ласкового слова».

Виктор ШКЛОВСКИЙ.

Испуганное лицо Владимира Молчанова известно отходящую ко сну державу о том, о чем на следующий день затравленно шептались тинейджеры в троллейбусах. Теперь — без него. Все ждали выхода номера «Комсомолки». И он вышел.

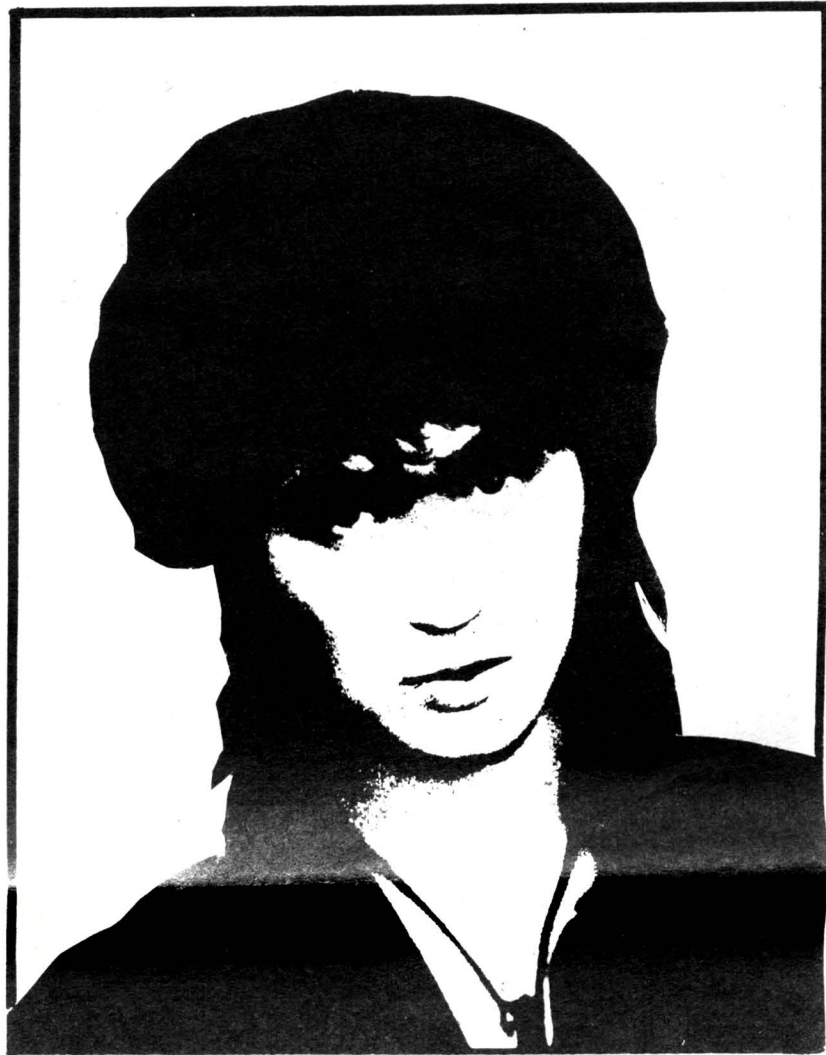
Девятнадцатое. Горе, 25 тысяч народу там, на Богомодном. Звоню другу в Ленинград. «Это было... как туман. Боже... Это все как в тумане», — только и повторила трубка черного цвета.

Короткие гудки, как упрек. Без него. Все нужные и все ненужные слова уже сказаны и услышаны. Настоящее горе не требует слов нагнетания и поощрения. Дадим же слово ему. Он говорит нам о сокровенном. Мы слушаем и, надеюсь, слышим сокровенного человека в черном.

Александр БЫСТРЫХ.

Виктор Ц О Й :

А КОМУ УХОДИТЬ МОЛОДЫМ...

В НАШИХ ГЛАЗАХ

Постой! Не уходи!

Мы ждали лета — пришла зима.
Мы заходили в дома, но в домах шел снег.
Мы ждали завтрашний день.
Каждый день ждали завтрашний день.
Мы прячем глаза за шторами.
В наших глазах крики: «Вперед!»
В наших глазах окрики: «Стой!»
В наших глазах рождение дня
И смерть огня.

В наших глазах звездная ночь,
В наших глазах потерянный рай.
В наших глазах закрытая дверь.
Что тебе нужно? Выбирай.
Мы хотели пить — не было воды,
Мы хотели света — не было звезды.
Мы выходили под дождь
и пили воду из луж.
Мы хотели песен — не было слов.
Мы хотели спать — не было снов.
Мы носили траур, оркестр играл туш.

ВСЕ ГОВОРЯТ...

Тот, кто в 15 лет убежал из дома,
Вряд ли поймет того, кто учился в спецшколе.
Тот, у кого есть хороший жизненный план,
Вряд ли будет думать о чем-то другом.
Мы пьем чай в старых квартирах,
Ждем лето в старых квартирах,
В старых квартирах, где есть: свет,
газ,
телефон,
горячая вода,
радиоточка,
пол, паркет,
дом кирпичный,

санузел раздельный,
много подсобных помещений,
одна семья,
две семьи,
три семьи,
балкон,
лифт,
первый и последний не предлагать,
рядом с метро, центр...
Все говорят, что мы вместе.
Все говорят, но немногие знают — в каком дым.
Из наших труб идет необычный дым.
Стой!
Опасная зона!
Работа мозга!

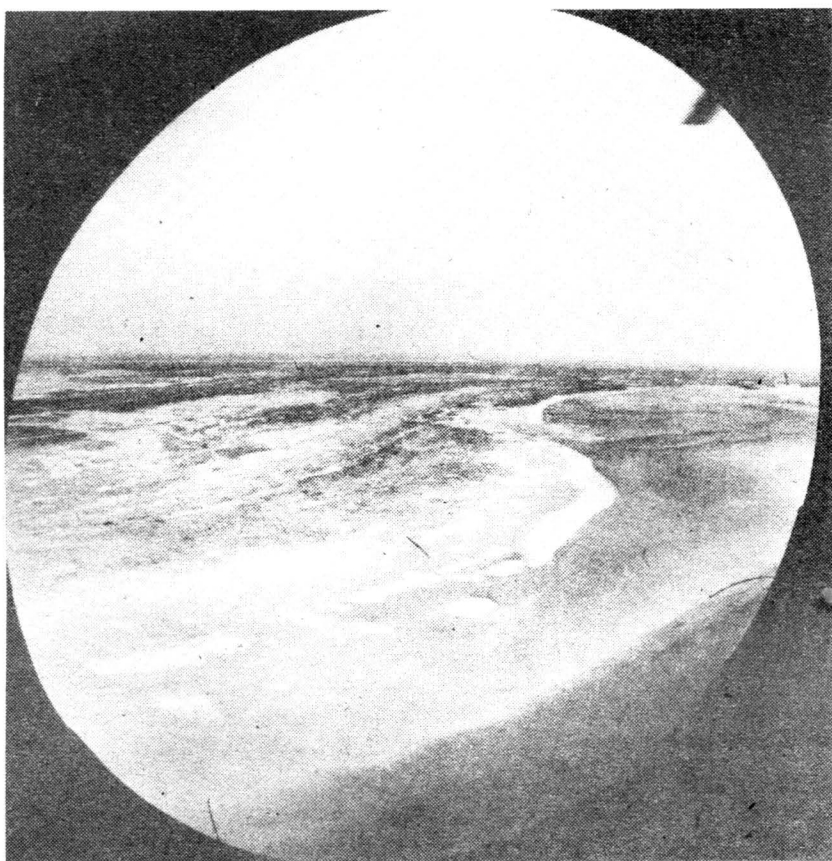
ПЕСНЯ № БЗХ

Ты смотришь назад,
Но что ты можешь вернуть назад?
Друзья
один за одним превратились в машины.
Ты уже знаешь,
Что это судьба поколений.
И если ты можешь бежать,
То это твой плюс.
Ты мог быть героем,
Но не было повода быть.
Ты мог бы предать,
Но некого было предать.

Подросток,
прочитавший вагон романтических книг,
Ты мог бы умереть, если б знал,
за что умирать.
Попробуй спастись от дождя,
если он внутри.
Попробуй сдержать желание
выйти вон.
Ты — педагогическая неудача,
И ты просто вовремя не остановлен.
Теперь ты хочешь проснуться,
Но это не сон.

Взгляните вместе с нами в иллюминатор вертолета, уважаемый читатель. Где-то здесь, в этих забытых человеком и проклятых Богом местах, среди солончаков, такыров и соров, пересекает 45-ю параллель под землей нефтепровод «Мангышлак — Гурьев — Куйбышев».

ЛЕНИВО ДРЕМЛЕТ ЭТОТ КРАЙ...

Сотни километров мертвых, выжженных белым солнцем пустыни и отравленных белой солью навсегда ушедших отсюда доюрских морей, отделяют точку встречи нефтепровода с 45-й параллелью от ближайших населенных пунктов. Так положил Господь, что в недрах этих безрадостных земель скрываются кладовые сокровищ.

Нефть и газ, железная руда и уголь, никель и ванадий, вольфрам и молибден, огромные запасы ракушечника и бишофита, минеральные воды, не уступающие мацестинским и хостинским, уран...

Край еще дремлет в объятиях раскаленного «афганца», поднимающего до самой луны горько-соленые тучи пыли, еще ждет своего часа. И только «летнабы» из Южного управления магистральными нефтепродуктопроводами в стрекочущих вертолетах нарушают иногда этот мертвый покой, пристально всматриваясь сверху — нет ли среди ослепительно-белых солончаков черных нефтяных пятен, признаков порыва трубопровода, да вездеходы, еще вчера работавшие танками, с аварийными бригадами ремонтников на борту...

25 лет назад в сердце пустыни пролегли первые километры стальных магистралей для сбора нефти с месторождений Узень и Жетыбая, затем рассекли солончаки и такыры нитки трубопроводов от Каламкаса до Каражанбаса, пришла очередь и Тенгиза.

Но с характером оказалась здешняя нефть. В узенской и жетыбайской содержание парафина сверх всякой меры, так что уже при плюс двадцати она превращается в нечто вроде заливного. Как ее протолкнешь через трубы? Пришлось врезать в нефтепровод печки. Здоровенные такие печки, вроде русских, только ростом метров в пять, да из металла, а не из кирпича, да на мазутном, а не дровяном топливе. Подогреет одна печка этот самый студень до кондиции — и насосы толкнут его дальше — до следующей печи.

Нефть Каламкаса и Каражанбаса преподнесла другой сюрприз. В ней оказалось высокое содержание так называемых порфиринов, никеле- и ванадиек содержащих веществ. Ванадия — до 300 граммов на тонну нефти! Сегодняшняя отечественная технология извлечения металла — варварская. Сжигай нефть до зольного остатка, а потом восстанавливай металл из окислов. Дорого и экологически вредно.

На особинку и нефть Тенгиза. Сероводород прет из нефтяных скважин как оголтелый. При аварии существует опасность, что газовое облако накроет близлежащий поселок Саркамыс и удушит здесь все живое. Несколько лет назад нечто подобное едва не случилось. На буровой произошла авария с сероводородным выбросом. Люди оказались совершенно не готовы к такому «ЧП». К счастью, на буровой в этот момент никого не оказалось, кроме прилудного пса по кличке Мазут, а жителей поселка от того облака спас поднявшийся ветер, утащивший газовый выброс в пустыню.

Сейчас в районе сероводородных промыслов и насосных станций Южного управления магистральными

нефтепродуктопроводами, владеющего всем трубным транспортом в регионе, люди специально обучены обращению с КИПами, кислородными приборами, которые одни только и могут спасти здесь в случае аварии. Вход в зону охраняется и разрешен лишь по специальным пропускам. (Мы, признаться, проникли сюда без всяких пропусков, но лишь потому, что с воздуха, на маленьком вертолете «МИ-А», который может сесть, наверное, даже на сомбреро). Дежурят вахтовые автобусы на случай необходимости быстрой эвакуации людей. Жителей поселка Саркамыс скоро будут отселать подальше от сероводородного джинна. Так что в ближайшее время многолюдье этим местам по-прежнему не грозит.

Может быть, именно поэтому все новые нефтепроводы, начиная с Каламкаско-Каражанбасского, строились с таким расчетом, чтобы эксплуатировать их можно было по так называемой малолюдной технологии. «Директор» нефтепровода «Каламкас — Каражанбас — Шевченко» Михаил Хныков, пролетевший с нами вдоль всей нитки в качестве «летнаба», прикинул на пальцах:

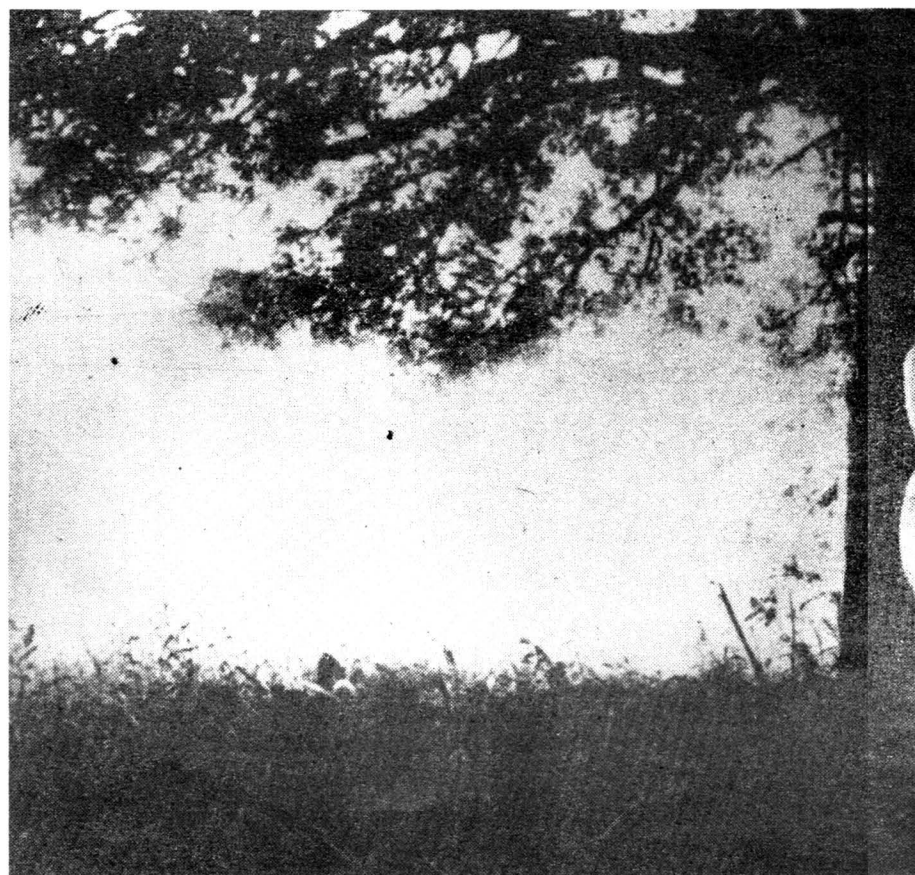
— Значит, в нашем хозяйстве около трехсот километров нефтепровода, да почти столько же — водовода. А людей на каждой станции — не более 30. Работают по 15 человек пятнадцатисуточными вахтами. На каждого приходится по несколько десятков километров труб. Без электроники никак. На центральных пультах управлений линейно-производственных диспетчерских станций сосредоточена самая современная аппаратура и оборудование, выпускаемые нашей электронной промышленностью и производимые в Венгрии, Чехословакии, Болгарии, в дружестве с которыми монтировался нефтепровод.

Когда возвращались, я спросил у пилота «вертушки», пилота первого класса из Усть-Каменогорского авиаотряда Александра Ковшова:

— Я видел здесь лозунг «Родине — нефть Бузачей, Тенгиза, Мангышлака». И этот лозунг, как я понял, в жизнь успешно претворяется. В том же нефтепроводе «Узень — Кульсары — Гурьев» одновременно между первым и последним пунктом находится сразу 525 миллионов 950 тысяч кубов нефти. А почему тогда в том же Шевченко, столице нефтяного Мангышлака, Бузачей, Тенгиза, из-за отсутствия бензина стоят без дела 26 самолетов «АН-2», не говоря уже об автомобильном транспорте?

Пилот пожал плечами. Не его это дело — отвечать на такие вопросы...
Александр ТОНКОПРЯДЧЕНКО.
Фото Анатолия НЕБОГИНА.

От редакции. В этом номере Александр Тонкопрядченко выступил дважды: и оба раза — на высоте. С двойным дебютом в «45», коллега!

В. ФЕДОРЕНКО (Евпатория).

Я. ГЛЕЙЗД

В Ставрополе, в КНМЦ народного творчества и культпросветработы проходит всесоюзная выставка «Фотомодель-90». Снимки — специально для «45» — предоставлены фотоклубом «Стрижамент».

ФОТОМАРАФОН

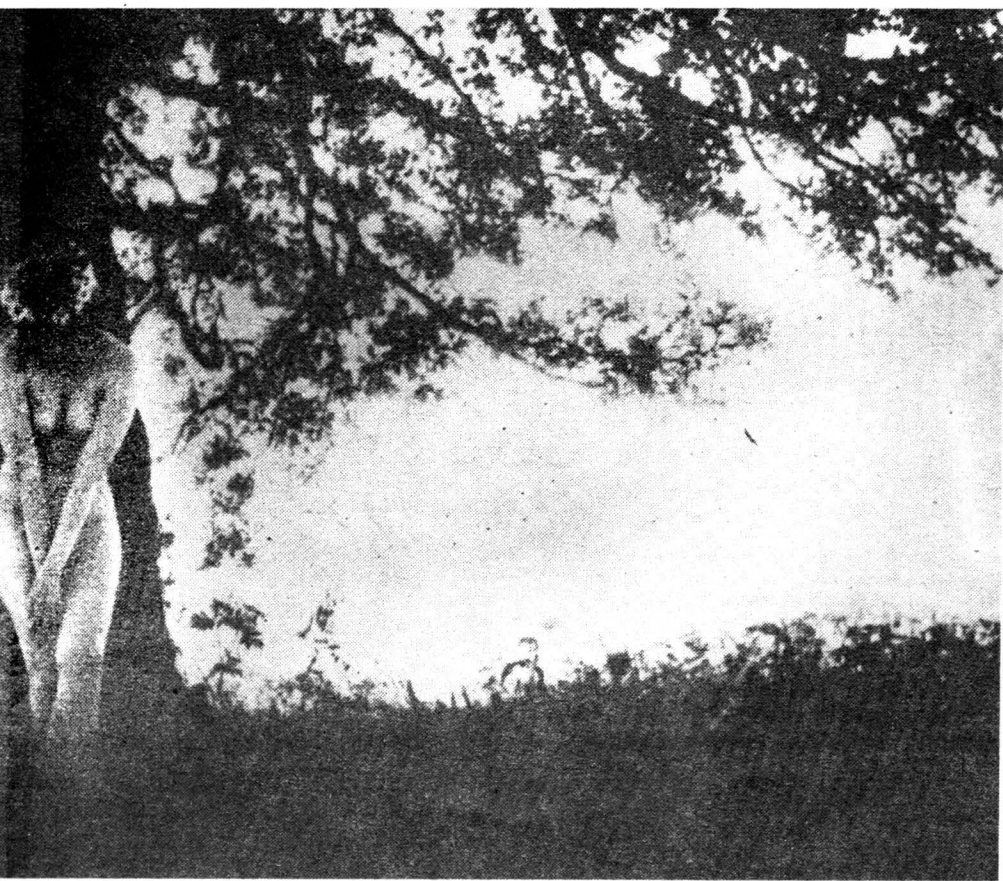

В. БУХРОВ (Курган).

ВИНИЛ

20

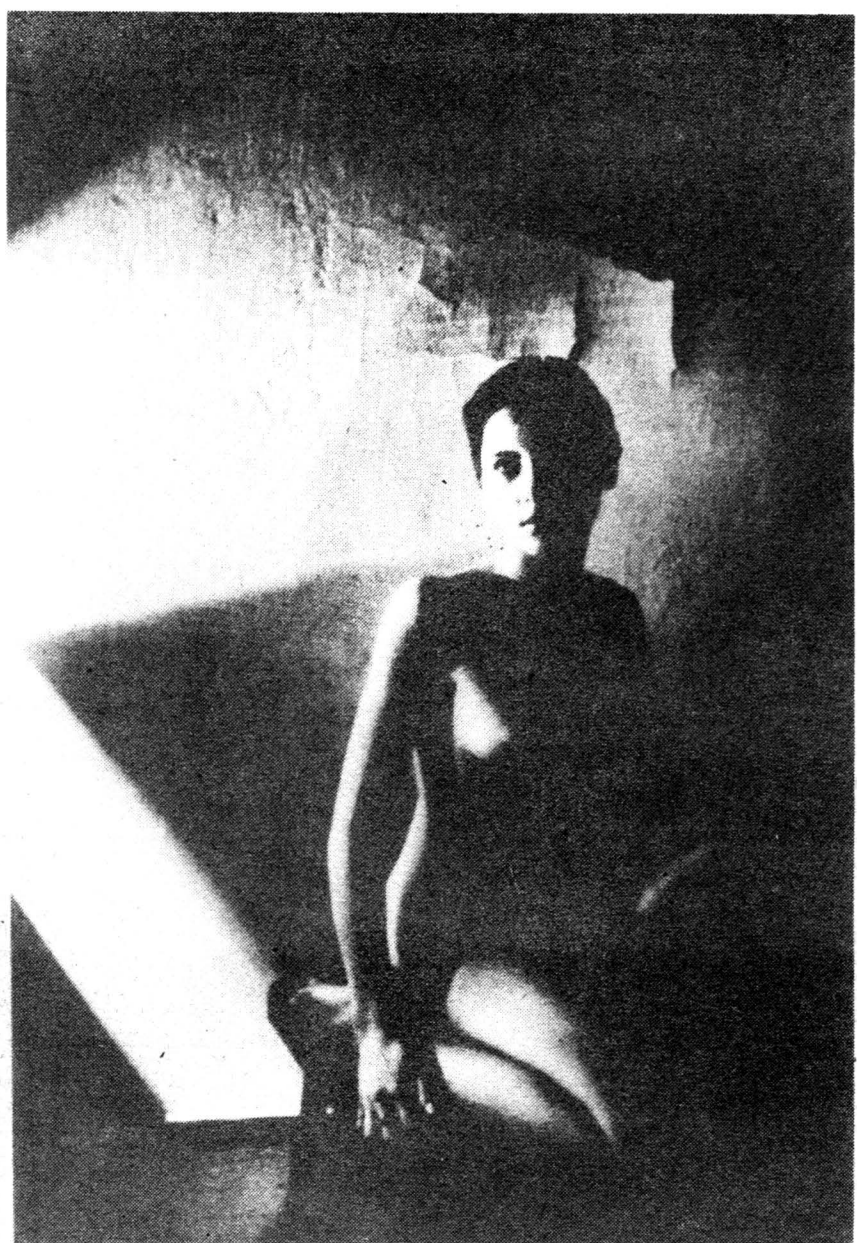
45-я параллель

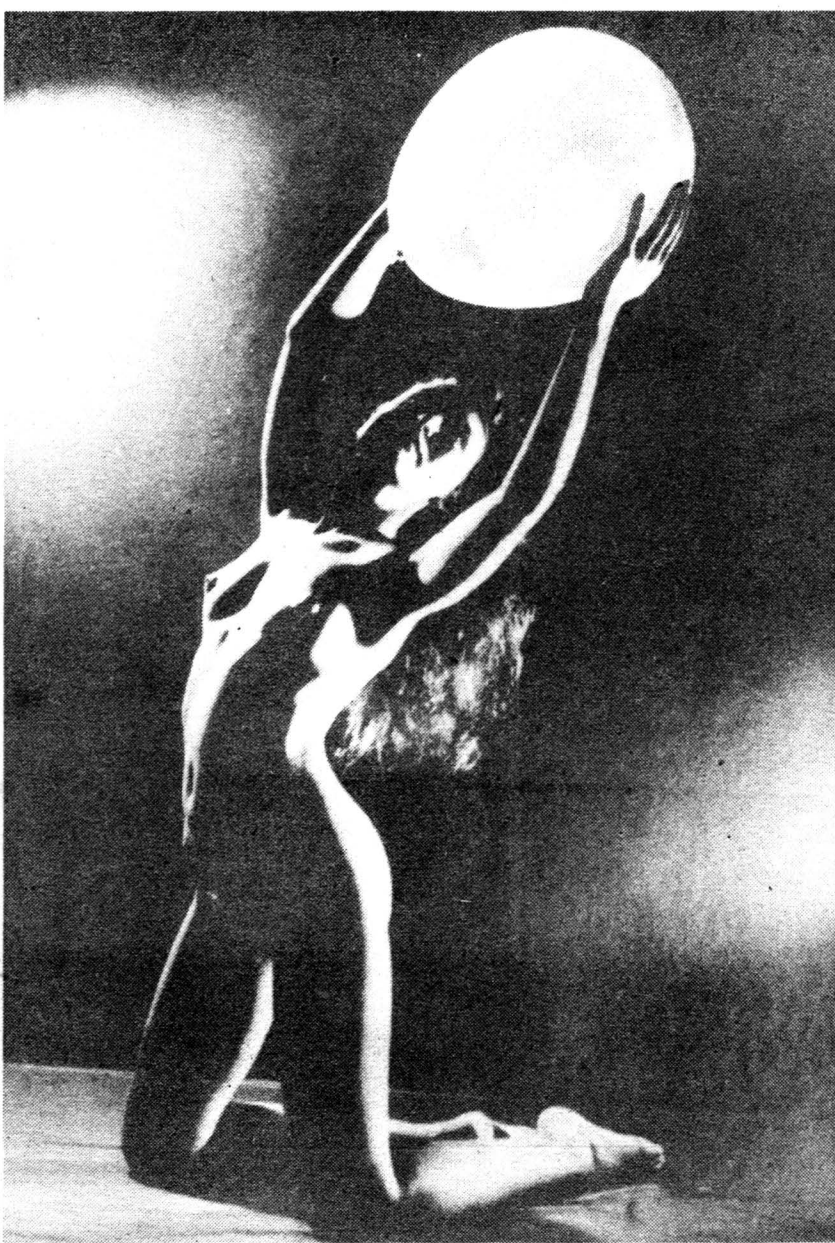
(Puza)

В. ЕГОРОВ (Ковров).

Ю. ВАРЫГИН (Карганда).

И. ИВАНОВ
(Свердловск).

Эта полоса «45» предоставлена в распоряжение Краснодарского филиала МНТК «Микрохирургия глаза» на коммерческих условиях.

Еще недавно у нашей новой знакомой глаза были, прямо скажем, — так себе. Теперь девчонка уже всю строит глазки. Да что там глазки! Теперь у Маришки — очи. Над ней в полном смысле этого слова склонились боги. И богини. Она побывала на «ромашке». На той самой знаменитой «Ромашке Федорова». Счастливая ромашка.

За первый год работы здесь при экстракции катаракты с имплантацией искусственного хрусталика острота зрения 0,4 и более достигнута в 84,4 процентах от общего числа прооперированных, остальным 15,6 процента возвращена способность видеть. Пациентам, имевшим близорукость от трех до шести диоптрий, в 91 проценте случаев возвращено стопроцентное зрение, оставшимся значительно улучшено.

«В угол, на нос, на предмет...» Помните? Маришка теперь в совершенстве владеет главным оружием женского кокетства. Я наблюдал, убедился: результаты снайперские!

Эти краснодарские боги специализированы совсем как их коллеги в древнегреческой мифологии. Есть боги по удалению различных катаракт с последующей имплантацией искусственного хрусталика, по пересадке роговицы, устранению косоглазия и глаукомы, коррекции

из душа струя, будто просеянная сквозь чайное ситечко, и легкая музыка звучит для тебя, и...

Господи, оказывается, как это просто и приятно — быть богом. Лежа под наркозом на лепестках «ромашки», немножко больные, но веселые боги слегка подшучивают над другими, здоровыми богами, которые склоняются над ними, легко касаясь каких-то белоснежных приборов. И те тоже посмеиваются, и музыка вперемешку со светом летится с потолка, и лежачки-каталки бесшумно перемещаются с места на место, этап за этапом проходя под руками хирургов и медсестер. И вот уже кто-то «поехал» в свой номер, направляемый рукой медсестры, а на нулевой этап, где получают наркоз, скользнула уже другая каталка с новым пациентом. Это конвейер. И кажется, нет ничего проще, чем бригадный хирургический подряд...

В конце дня я видел лица тех, кто отстоял смену у «ромашки». Они были измученными и осунувшимися. Еще бы — 130—140 операций за день, и не какого-нибудь вульгарного аппендицита. Они ведь вторгаются в око. В его трепещущую зеницу. Конечно, самая современная американская, английская, японская аппаратура просчитала все параметры операционного поля, электронная машина выдала апробированную про-

плантация, а попросту вживление в глазное яблоко кусочков твердой мозговой оболочки, взятой у донора. В результате вдвое увеличивается толщина склеры, она прорастет в дальнейшем новыми кровеносными сосудами. И зеленые глаза моей дочери больше не станут терять свою остроту...

Стремительные руки хирурга ушивают рану. Еще минута — другая — и каталка с Наташкой отъезжает в сторону.

Готово! Следующий!

Мой ребенок с закрытыми марлевой повязкой глазами, ведомый под ручки медсестрой, удаляется в наш номер...

На конвейере работа не утихает ни на миг.

Андрюша Колесников из Минвод. Обычная мальчишеская шалость. Взял как-то лампочку, обрезал цоколь, набил серой и поджег. Хотел проверить, что из этого получится. Осколок брызнул прямо в глаз. В пятнадцать лет — окричь. Такая ждала его перспектива. После первой операции он видит с расстояния сантиметров в десять, что показывают стрелки на его ручных часах. Сейчас снова «на ромашке». Врачи заменят ему хрусталик на искусственный — и через несколько месяцев он будет только вспоминать о драме, постигшей его.

тогого мы живем, взгляда, ничуть не менее сокрушительного, чем у Маришки, с которой мы познакомилась на Краснодарской «ромашке».

...Из Краснодара я привез с собой договор... Что? Ах, да! Совсем забыл. Содержание дочери в филиале, расходы по операции взяла на себя редакция газеты, в которой я работаю. Есть у нас такой фонд — на социальное развитие. У МНТК подобные договоры со многими предприятиями России. Теперь и наш коллектив — клиент Федорова. Это взаимовыгодно. В условиях дефицита ресурсов средства подобных фондов частенько лежат без движения. А так стоит предприятию заключить договор с Краснодарским филиалом МНТК — и любому сотруднику этого предприятия вне зависимости от возраста либо его детям будет обеспечена оперативная, высококвалифицированная офтальмологическая помощь.

Александр ТОНКОПРЯДЧЕНКО.

Краснодар — Ставрополь — Шевченко.

Адрес филиала МНТК «Микрохирургия глаза»: СССР, 350047, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 6, отдел писем, тел. 562-249, телекс 211-562 Церта.

ПРЕКРАСНЫЕ ГЛАЗА — КАЖДОМУ!

СЕРТИФИКАТ

BEAUTIFUL EYES FOR EVERYBODY!

близорукости и дальнозоркости. Здесь так и говорят: сегодня оперирует бригада № 2. Или бригада № 1.

Если я посмею назвать работников пусть хирургического, но все ж конвейера, богами и богинями, то, уж поверьте мне, они так похожи на богов.

Все здесь очень напоминает храм.

Храм, за год возведенный финскими строителями в Краснодаре, на улице Красных партизан. Название его, правда, несколько технологично: «Краснодарский филиал межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза», но зато внешний вид и внутреннее содержание МНТК вне всякой критики.

Еще бы, ведь оборудование и аппаратура здесь вся «из-за отсюда». Идешь через просторный двор, усаженный цветами и молодыми деревцами (филиалу нет еще и трех лет), к шестизэтажному зданию из стекла и бетона с итальянскими кондиционерами в окнах. Вот вход. Прежде чем протянешь руку — широкие стеклянные створки бесшумно разъедутся. Фотоавтоматика встречает тебя как долгожданного гостя. Улыбнется швейцар у входа, наденешь на ноги белые парусиновые бахилы (как в музее, неловко входить в туфлях) и в путь. Регистратура, отделение первичной диагностики, операционный блок, номер, как в лучшей гостинице, уютные холлы, прекрасная столовая. Да, в этих условиях и сам через некоторое время начинаешь ощущать себя не столько человеком, сколько богом и небожителем. И все тебе улыбаются, и никто на тебя не рычит, и

грамму каждого движения и жеста. Но последнее слово остается за людьми. А они все-таки не боги, хотя и похожи на них. И не машины. И конечно, подвержены волнениям и стрессам, усталости и унынию. Но когда они за работой, этого о них не скажешь никак...

А вот моя Наташка не попала на «ромашку». И это хорошо. Ибо на ее лепестках режут, то есть оперируют серьезные болячки. А у нее пустячок — всего лишь склеропластика, чтобы остановить прогрессирующую близорукость.

Краснодарский филиал МНТК «Микрохирургия глаза» оказывает помощь и советским, и иностранным гражданам. Возраст пациентов не ограничен. Время пребывания в филиале зависит от сложности операции и колеблется от двух до десяти дней, а операции по коррекции близорукости и дальнозоркости зачастую проводятся вообще амбулаторно.

И все же, когда хирург Крылов берет в руки блестящие ножницы, будто только что вынутые из маникюрного набора, и как-то небрежно, как мне кажется, подносит их к ее лицу, у меня замирает сердце. Он улыбается, она посмеивается. Они о чем-то негромко, но прелево переговариваются промеж себя. Я тут вроде лишний и не человек даже, а предмет, так что на минуту едва не забываю о своем репортерском долге — все увидеть и рассказать читателям «45-й параллели», которая, кстати, проходит где-то здесь, рядом.

Мелькают быстрые, ловкие пальцы. Вскрыта роговица, сестра подает хирургу какие-то желтоватые лоскутки, и он пристраивает их туда, в самую зеницу ока. Это им-

Донецк, Ставрополь, Грозный, Ростов — откуда только не приезжают сюда люди с просьбой о помощи!

За три неполных года — около 40 тысяч операций. Все это силами каких-то ста человек. Представляете, скольким людям вернули здесь счастье видеть небо и солнце, и траву. И лица любимых... Давайте же поклонимся в пояс хирургам Юрию Вадянову, Виктору Крылову, Михаилу Розенкранцу и их коллегам, операционным сестрам Любе Добровольской, Тане Носовой, Лидии Олиференко и всем остальным. И особенно — главному богу МНТК «Микрохирургия глаза», его организатору и руководителю, народному депутату СССР Святославу Федорову.

— Как я отношусь к Святославу? — спрашивает заведующий операционным блоком Отелло Гамзатов. — Скажу. Только это, так сказать, между нами, не для печати.

— К Федорову мы относимся так, — медленно говорит бывший военврач-офтальмолог, уроженец дагестанского села Хасав-Юрт Гамзатов, — что если соберемся за праздничным столом, то первый тост — за его здоровье...

Пусть простит меня горец Отелло, что я не удержал за зубами свой длинный язык, но лучше чем он сказал — не скажешь. Я тоже теперь буду поднимать первый тост за создателя МНТК «Микрохирургия глаза».

Сступив на землю Казахстана, я сказал своей дочери: «Ну-ка, Наташка, в угол — на нос — на предмет...» И она обдала меня такой зеленой волной взгляда — прямо как Каспий, на берегу ко-

!

ВАШЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ
ИМЕЕТ
УНИКАЛЬНУЮ
ВОЗМОЖНОСТЬ
ЗАКЛЮЧИТЬ
ДОГОВОР
С КРАСНОДАРСКИМ
ФИЛИАЛОМ
МНТК
«МИКРОХИРУРГИЯ
ГЛАЗА»

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ

22

45-я параллель

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Из серии «Рассказы о миллионерах»

— Дай, — говорю ей, — газету. Какую? Какую-какую? Вот эту. Кладу ей столик. Сдачи, говорит, нету. Не наторговала. Другие, мол, деньги давай. А что это — не советские? А на что мне, убогая, твоя сдача? Мне газета нужна. Я только что из Армавира винтокрылой машиной приехал. Мне новости важнее любых других денег. Кладу ей столик. Беру газету. Отхожу от киоска. Выхожу из аэропорта. Ну, думаю, если после всего этого мент мою «шестерку» ко входу не подогнал...

Стоит «шестерка». Ладно. Живите пока. Только я ключ в замок — за плечо меня — хват! Кент какой-то. Старуха, говорит, плачет. Ну?! Я, говорит, пятак ей за вас отдал. Ну, Ставрополь! Вот, говорит, ваши сто рублей. Возьмите, говорит, обратно. А я, мол, пойду киоскершу успокою.

Ну?! Отец родной! Нет, говорю, стой. Ты кто такой, в натуре? Я, говорит, никто. Человек. Так, просто. Старуха, говорит, жалко. Ее от вашего столика чуть инфаркт не хватил. Ее уже тошнить начало.

В торец ему?! А мой капитан, смотрю, давно стоит сбоку. В штатском. Косыка на нас давит.

Мигнуть ему — и нет отца родного. Убрать его, что ли, суток на пять? Зубы полечить. Если у него крыша поехала. Ничего ведь нет. Одни принципы, как стропила, торчат.

Вот ты какой добрый. Бедный, но добрый.

А я — нехороший. Старуху обидел. Столик ей за газету дал. Теневое-ой я!

Ты! Для старухи-то это, может, самое-самое, что в ее жизни было. Для тебя это — столик. Для старухи — факт биографии. Старуха сегодня ночью на себе последние патлы вырвет — зачем не взяла. До конца жизни будет базлать об этом.

Самая последняя лучше таких, как вы.

У меня, может, настроение было хорошее. У меня, может, с утра на душе «монтана». Кому от этого плохо? Ментов сговорил на вертолет из Армавира. Районного прокурора с собой взял, директора райпотребсоюза и этого... как его... редактора. Мы, может, за час полета такое дело сделали, какого тебе за сто лет...

Я, может, этой старухе-киоскерше поклонился этим столиком. Вроде как в храме свечку зажег. Вроде как по душе младенец Иисус босыми ножками протопал. А ты...

Ты подумал, сколько стоит мое хорошее настроение? Старуха без столика — это раз. Ты вполне можешь оказаться без зубов — это два. Прокурор, второй районный начальник и этот... как его... редактор — я им тоже теперь могу настроение подпортить. Фабрику свою могу в Армавире прикрыть. Ну?! Полсотни баб без бабок. Тысячи баб без колготок.

Что вы будете делать без меня в своей солнечной экономике?

А ведь я нищий. Я, если разобраться, беднее тебя, беднее этой старухи. Тебе и ей зарплата идет. Бесплатная медицина, образование. Мне же никто зарплату не платит. Профсоюза я не член. Вообще не член. Это вы — члены.

Все, что у меня есть — это кредит. Ты хоть знаешь, что такое кредит, кретин?

Кредит — это миллион до завтра. Да так, чтобы этот миллион за двадцать четыре часа заработал тебе еще миллион. Миллион ты отдал. Второй пополам. Половина за кредит, половина у тебя. Секешь?

А? Что ты суешь мне этот столик, дорогой? Что ты лезешь не в свое дело? Чего встрял, куда не просят? Хочешь, чтобы у тебя был на душе порядок? За мой счет? Хочешь, чтоб по-моему было? А если я хочу по-моему?

Ладно, живите пока. Тебе куда, в город? Поехали. По пути. Да засунь ты этот столик себе в... Нет денег? А кто у тебя их просит? Что ты, как неродной, заладил: деньги, деньги... Садись. Ну, сунь столик сюда, в бардачок. Поехали. Тебе куда в городе? На Осетинку? На Мамайку?

Открой-ка газетку... Да-да, эту самую. Что — фельетон там есть? Есть?! О ком? То есть о чем? Сам читать не люблю. «Полный ажур»? Такой заголовок? Так и написано? О подпольном производстве ажурных колготок?.. Вот гад. Нет? О неполадках в медицинском обслуживании населения? Стоп. Дай-ка взглянуть... Смотри, заголовок тот же оставил. Сука. Шутить любит. Ну, это ничего. Это ничего...

Ну, нормально. Водку куришь? Правильно. Сигареты пьешь? Ну, держись. Сейчас быстро поедем. Хоп!

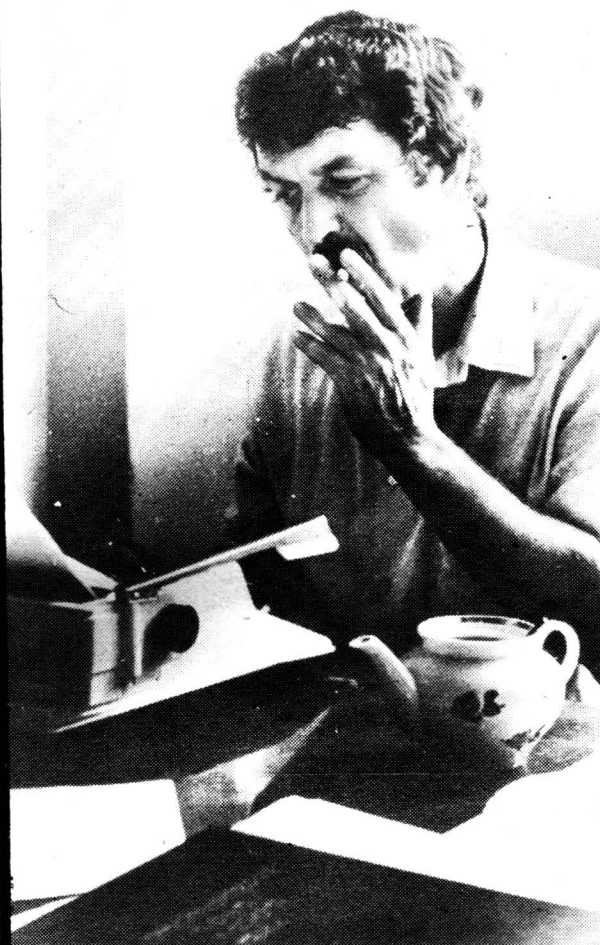
А ты говоришь — столик.

ТОЧКА НОМЕРА

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАТЯЖКА?!

Фото Сергея МАШИНСКОГО

(Ставрополь)

23

я параллель

ПМР РЕПОРТЕРА

Рубрику ведет Евгений ШИПОВ.

СЕГОДНЯ иду к Зиминым на «заказной» ужин. Янина Стефановна — латышка, и хотя она прекрасно владеет секретами не только родной латышской кухни, наш уговор — именно на нее.

Вторая моя просьба: поменьше мяса, побольше овощей — ведь осень, самое «овощное» время года!

И вот — обе мои просьбы исполнены. А на столе царствует... «лакомство гномов». Вы не знаете, что это такое? Я тоже услышала о нем лишь в тот вечер.

В средние века «лакомством гномов», маленьких сказочных человечков, окрестили морковь. Тогда же сложилось такое поверье — если вечером отнести в лес миску с пареной морковью, то утром найдешь там золотой слиток, которым гномы расплатятся за вкусное угощение.

Впрочем, поверье есть поверье — и только. Во всяком случае история не сохранила ни одного его подтверждения...

Однако вернемся в гостиную Зиминых — стол уже накрыт.

Янина Стефановна — строгая хозяйка, не терпящая присутствия в кухне посторонних лиц. Зато она охотно описывает все, что предшествовало появлению этого блюда. Латышское его название мне запомнить не удалось, да и вряд ли оно нужно вам. Ну а русский вариант звучит просто — морковник. Хотите попробовать? Тогда — за дело!

Сварите четыре средние моркови, нашинкуйте помельче. Перемешайте с 1/2 стакана сахарного песка, добавьте полстакана сметаны, одно крутое (мелко порубленное) яйцо, три чайные ложки сухой лимонной цедры, три столовые ложки муки. Взбейте сырое яйцо и влейте его в смесь. Все перемешайте. Начинка готова.

Чтобы приготовить тесто, разведите 15—20 граммов дрожжей, смешайте с тремя столовыми ложками сахарного песка, 1/2 стакана сметаны, стаканом муки. Прибавьте взбитое яйцо и 75 граммов растопленного сливочного масла. Замесите тесто и дайте ему подойти. Затем разделите его на небольшие лепешки и начините морковной массой, как открытые ватрушки. Выпекать лучше всего в духовке.

Если вы верите — пусть не в гномов, но хотя бы в домовушек, — оставьте угощение и им. Может быть, это принесет вам счастье... Хотя, конечно, не гарантирую.

Вероника ЗАГАЙНОВА. Р. S. На столе, накрытом Яниной Стефановной, были, конечно, и другие блюда. Я запомнила вот какие названия: цепелины, крумплен и необычный — по-латышски — свекольник.

КОММЕНТАРИЙ МУЖЧИНЫ

С репортером, пиравшим выше, мы заранее ни о чем не договаривались. Более того, с Вероникой Загайновой я вообще не знаком. Тем любопытнее совпадение: репортер дает рецепт морковника, а мой нынешний репертуар включает, помимо прочего, тоже два морковных блюда...

Впрочем, начнем с супа.

Суп из гусиных потрохов

Два потроха, коренья петрушки, сельдерея, морковь, пять картофелин, столовая ложка рубленой зелени, яйцо.

Потроха помещают в кастрюлю, наливают воды, кладут очищенные коренья, солят и варят. Когда потроха упрут, их вытаскивают, бульон процеживают через салфетку и «оттягивают» яйцом. Потроха и коренья промывают в теплой во-

де, а в процеженный бульон кладут очищенный и нарезанный картофель. Когда картофель уварится, кладут в бульон потроха и коренья, нарезанные ровными кусочками, дают вскипеть, посыпают рубленой зеленью и подают.

Морковь фаршированная (I)

Пять крупных морковок, 100 граммов мяса, две ложки масла, два яйца, ложка сухарей.

Морковь очищают и слегка отваривают в соленой воде, осторожно выбирают сердцевину и рубят ее с каким-либо сырым мясом, куда добавляют немного растительного масла, соли, перца, лука, укропа, одно или два яйца. Все хорошо пе-

ремешивают, пропускают через мясорубку и этим начиняют морковь. Острым ножом режут фаршированную морковь кружками, обмакивают в яйцо. Обваливают в муке или сухарях и поджаривают с обеих сторон в масле.

Морковь фаршированная (2)

Пять крупных морковок, 200 граммов говядины, два яйца, ложка масла, ложка рубленого укропа, две ложки муки и четверть мускатного ореха.

Из моркови выбрать сердцевину, вынутую мякоть пропустить через мясорубку с сырым мясом, добавить сырых яиц, масла, соли, зелени укропа, мускатного ореха, об-

жарить в масле, после чего опустить в небольшое количество мясного бульона, уварить до мягкости, подправить мукой, прокипятить и выложить на блюдо.

Баклажаны фаршированные по-грузински

(Адаптировано к русской кухне в 1856 году).

Пять баклажанов, три ложки рубленой зелени сельдерея, три яйца, лимон, 200 граммов мясного фарша, вареное яйцо.

Баклажаны очистить, срезать верх, вынуть сердцевину и нафаршировать. Фарш предварительно солят, перчат, добавляют крутое рубленое яйцо и мясной бульон, чтобы фарш приобрел консистенцию жидкой размазни. В кастрюлю кладут рубленую зелень, на нее баклажаны, наливают полтора стакана бульона, солят и томят. Когда

баклажаны станут мягкими, вынуть их, убрать нитки, которыми были прикреплены снятые верхушки после фарширования, положить в сотейник, облить яйцами, разболтанными с лимонным соком, и подогреть на легком огне, постоянно мешая, чтобы масса сгустилась, но не образовалась яичница.

Огурцы фаршированные по-гречески

Десять огурцов, 200 граммов мяса, 100 граммов отваренного до готовности риса, зелень сельдерея, пять листов лаврового листа, пять горошин перца, соль, молотый перец, стакан бульона.

Подготовить огурцы, как баклажаны, мясо мелко изрубить, посыпать перцем, начинить огурцы, прикрепить нитками крышечки. На дно кастрюли положить зелень сель-

дерея, на нее огурцы, залить бульоном и томить. Огурцы считаются готовыми, когда потемнеют. За 15 минут до обеда положить лавровый лист и перец-горошек.

ВЫЖЕНТЕЛЬМЕН НАЧИНАЕТСЯ С ОБУВИ, АВТОМОБИЛЬ - С ПОКРЫШКИ

Телефоны для справок:
директора — 9-41-07, началь-
ника сбыта — 9-40-93.

*Ждем вас на нашем
заводе!*

БЫСТРО И УДОБНО ВЫ СМОЖЕТЕ ВОС-
СТАНОВИТЬ АУТОПОКРЫШКИ НА НЕВИН-
НОМЫССКОМ ШИНОРЕМОНТНОМ ЗАВОДЕ
И ЕГО ОБМЕННЫХ ПУНКТАХ: КРАСНОДАРЕ,
БУДЕННОВСКЕ, МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ,
КАСПСКЕ ГРУЗИНСКОЙ ССР, ГРОЗНОМ И
ШАЛИНСКЕ ЧИ АССР; РОСТОВСКОЙ ОБЛА-
СТИ: НОВОЧЕРКАССКЕ, ШАХТАХ, ЗЕРНО-
ГРАДЕ, АРТЕМОВСКЕ.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ШИН НА ЗАВОДЕ
ПРОИЗВОДИТСЯ НА СОВРЕМЕННОМ ОБО-
РУДОВАНИИ ПО ОТРАБОТАННОЙ ТЕХНО-
ЛОГИИ. ЗАВОД ГАРАНТИРУЕТ ПОСЛЕРЕ-
МОНТНЫЙ ПРОБЕГ АУТОПОКРЫШЕК.

В настоящее время завод принимает автопокрышки
следующих размеров:

а) КГШ.СКГШ для сельхозмашин и грузовых автомобилей

14,00-20	7,50-20	12-38
12,00-20	200-20	15,5-38
12,00-18	320-508	1300x530-533
11,00-20	300-508	18,00-25
10,00-20	280-508	21,00-33
9,00-20	260-508	27,00-49
260-20	240-508	33,00-51
8,25-20	220-508	
1220x400-533	200-508	

Освоено высококачественное восстановление автошин типа P:

320-508P	260-508P
300-508P	240-508P
280-508P	200-508P

б) легковых автомобилей

5,20-13	8,40-15	205 P 14
6,00-13	7,00-15	175 P 13
6,40-13	5,00-16	
6,45-13	6,00-16	
6,15-13	165 P 13	
7,35-14	6,50-16	
6,70-15	185 P 15	
7,10-15		

Наш адрес: г. Невинномысск Ставропольского края,
индекс 357030. Код предприятия 4031. Расчетный счет
№ 00244301 в Невинномысском отделении Промстройбан-
ка.

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ПРАВДА

© Ассоциация содействия Советскому фонду культуры по Ставропольскому краю.

Адрес редакции: 355045. Ставрополь, ул. Суворова, 1.

Главный редактор Сергей СУТУЛОВ.

Мнения авторов издания не обязательно совпадают с мнением редакции.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Подписано в печать 7.09.90 г.

Типография издательства «Ставропольская правда».

Заказ 1789.

Тираж 55300 экз.